

Жуткий Crisis

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ЖУТКИЙ

Crisis

Jesus

Super

Star

Christ

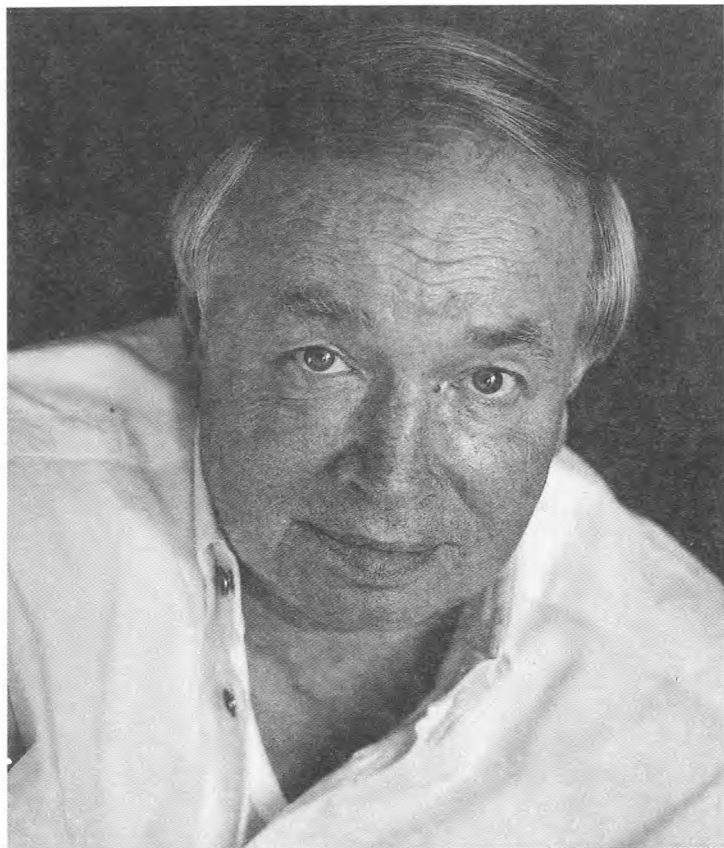
Super Star

uper

tar

Жуткий Крайзис Супер Стар

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

**Жуткий Crisis
Супер стар**

НОВЫЕ СТИХИ И ПОЭМЫ
1998 - 1999

Москва
«ТЕРРА»
1999

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
В64

В оформлении участвовали
М. Крихели, А. Каратаев

Автор фотопортрета
С. Берменьев (1998 г.)

Графические композиции и рисунки автора

Вознесенский А.

В64 Жуткий Crisis Супер стар: Новые стихи и поэмы 1998–1999 гг. — М.: ТЕРРА, 1999. — 224 с.
ISBN 5-300-02560-7

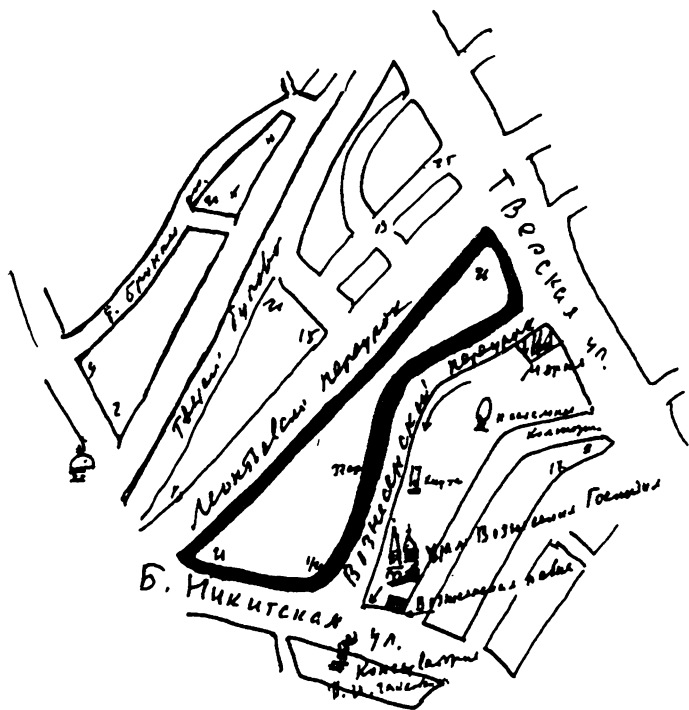
Имя Андрей Вознесенский не нуждается в рекомендации. Его творчеству, завоевавшему любовь читателей во всем мире, присущи острое ощущение времени, проблем и противоречий современного мира, драматичности человеческой судьбы. Для поэзии Вознесенского характерны усложненная образная и ритмическая структура стиха, использование аллитераций.

В сборник вошли новые поэмы и циклы стихотворений поэта: «Вознесенский переулоч», «Последние семь слов Христа», «Берегите зайк» и другие, а также новая проза — «Архив».

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 5-300-02560-7

© А. Вознесенский, 1999
© Издательство «ТЕРРА», 1999

ВОЗНЕСЕНСКИЙ ПЕРЕУЛОК

* * *

В нас Рим и Азия смыкаются.
Мы истеричны и странны.
Мы стали экономикадзе
самоубийственной страны.

БЕЖЕНКА

Беги, беги, беженка,
на руках с грудным!
На снежной дорожке бежевой
не столкнись с крутым.

Греби, греби, беженка,
к поезду, бегом.
Беги, беги, белая
береза за окном!

Под крики: «Бей черножопых!
Бей русских! Бей христиан!»
Кружись, полосатым крыжовником,
зеленый Таджикистан.

Бедствие! Нет убежища.
Гоним к берегам другим,
ладошкой южнобережной,
махнув, убегает Крым.

Вьюгою центробежную
рвет нас до тошноты.

Ты — ближнее зарубежье,
и дальнее — тоже ты.

Беги, беги от группешника,
сердечка уставший ком,
несишь, спотыкаясь бешено,
по снегу босиком!..

Ротвеллером из лендровера
Ирод рычит: «Атас...»
Беги, беги, родина,
в ужасе от нас!..

Беги, беги, беженка,
беги, беги, бе...
Беги, беги, чудо Божие,
беги, беги, Бо...

Над лугом погибшим Бежиным,
по небу, в облаках
бежит от нас Божья беженка
с ребеночком на руках.

ВРЕМЯ ПОЭТА

«Пушкин — это русский через двести лет».
Все мы нынче Пушкины. Гоголю привет!

Пушкин не читает в школе Пушкина.
Пушкин отрывается на Горбушке.

Пушкин лопнул банки, как хлопушки.
Кто вернет нам вклады? Может Пушкин?

Пушкин компенсирует разруху всю —
киндер-сюрпризом Кондессю.

На спуске, на Васильевском, читают Пушкина.
Царь-пушка изнасиловали пэтэушники.

Пушкин современников учит воровать.
Как баночка с вареньем, укутан Арафат.

Пушкин, параноик, мне помог
отыскать в России пару Твоих ног.

Пушкин Прокуратору подставил шмару.
Пушкин аккуратно поджег Самару.

Кто спасет от падающих высот?
Может, только Пушкин и спасет.

А ТЫ МЕНЯ ПОМНИШЬ?

Ты мне прозвонила сквозь страшную полночь:
«А ты меня помнишь?»

Ну, как позабыть тебя, ангел-звереныш?
«А ты меня помнишь?» —
твой голос настаивал, стонул и тонул —
А ты меня помнишь? а ты меня помнишь?
и ухало эхо во тьме телефониц —
рыдало по-русски, in English, in Polish —
you promise? astonish... а ты меня помнишь?

А ты меня помнишь, дорога до Бронниц?
И нос твой, напудренный утренним пончиком?
В ночном самолете отстегнуты помочи —
вы, кресла, нас помните?

Понять, обмануться, окликнуть по имени:
А ты меня...
Помнишь? Как скорая помощь,
в беспмятном веке запомни одно лишь —
«А ты меня помнишь?»

ВДОЛЬ МОРЯ

На закате бегу между пляжем и морем,
что барашками кажется мухомором,
мимо пляжей, которые кажутся жизнью,
мимо жизни, которая кажется пляжем,
мимо моря, которое кажется смертью,
мимо смерти, которая кажется жизнью,

пляж, который казался десяткой червов,
загорев, оказался пиковой масти,
мимо горя, которое кажется счастьем,
мимо счастья, которого, кажется, нету,
мимо розы, которая кажется чайной,
только пахнет вином, унесенным из чайной,
мимо тайны, которая кажется дурой,
мимо дуры, которая кажется тайной,
мимо тайны, которая кажется тенью,
мимо тени, оказывающейся светом,

пробегаю по кругу, что кажется волей,
меж ворами, которые, кажется, в «Вольво»,
меж собакой и волком, что кажется другом,
между дружбой, которая кажется цепью,

мимо церкви, которая кажется Богом,
мимо Бога, оказывающегося церковью,
мимо молний, которые кажутся чайкой,
мимо чайки, что вскоре окажется МХАТом,
мимо молний с копьем, как святой Егорий,
мимо моря, тебя растворившего моря,

полюбила, а кажется, посмеялась,
время — секс, что кажется безопасным,
пронеслась — а кажется, что навеки,
навсегда — а кажется, что напрасно.

ПЛОВЕЦ

Дай мне выплыть из бездн. Я забыл тебя, брасс.
Руки-ноги мертвы, бл...
Дай мне, Господи, выплыть единственный раз.
Дай мне выплыть.

Я любил в черной шапочке, как Фантомас,
вздыбить лыжами Припять.
Брасс мой, брат мой, предавший товарища брасс!
Дай мне выплыть.

Доигрался, «играющий чемпион»?
Рыбки детская киноварь
поумней, чем заносчивый черепок,
дай мне вынырнуть.

Сколько всплыло дерьма!
Ты одна, как луна,
тянешь в жизнь. Неужели
оказалось сильнее притяжение дна
Твоего притяженья?

Что-то стало со мною и со страной?
Жизнь — без выплат...
Изумрудная чайка над тяжелой водой,
дай мне выплыть!

ХОРОШО!..

На спине плыву устало.
Холодочек за спиной.
Зной пронзает золотой,
словно клипы «Супер-стара»...

Хорошо, что ты не стала
моей вдовой.

ПЕРЕУЛОК

Я — вселенский полудурок.
Бит Никиткой и тоской!
Вознесенский — переулок
меж Никитской и Тверской.

Невезенья квинтэссенция,
он не трасса, а тропа.
Здесь на Пасху Вознесенская
просияла Скорлупа.

Был он улицей Станкевича.
Нет Станкевича, увы.
Переулок он теперича,
что понятней для молвы.

По нему, минуя мэрии
темно-красную парчу,
опуститесь в век безверия
к памятнику Ильичу —

Петру Ильичу Чайковскому,
что презревши суицид,

точно мучимый щекоткою,
на скамеечке сидит.

И красавица из местных,
Не уехав в Эмират
В Вознесенской лавке крестик
сладко будет примерять.

С тьмой литературных урок
разберусь я вдругорядь.
Вознесенский переулок
не переименовать.

МЕФИСТОФЕЛЬ

Я приду к тебе в черной мантии,
в черных джинсах — привет фарце!
Все пощечины, как хиромантия,
отпечатались на лице.

Я приду к тебе в мантии черной
и в Малевиче набекрень.
Ты раздвинешь меня, как шторы,
начиная свой новый день.

* * *

Памяти Г.С.

Розы ужасом примяты.
На морозе речь охрипла.
Игровые автоматы
озверевшего калибра
На канале Грибоедова
сбили женщину навывлет...
Золотую беззаветную
веру хорони, Россия!
Власть уходит к гробоведам.

В себе Господа мы предали,—
автоматы игровые.

21 ноября 1998 г.

ЖЕМЧУЖИНКА

Очнись, жемчужина — мое тайное
национальное достояние.

Нас разделяют не расставания —
национальные расстояния.

Глаза выкалывая стамескою,
плача над беженкой Кустаная,
мы — достояние Достоевского,
рациональное отставание.

Мы, как никто, достаем свою нацию,
стремясь то на цепь, то на Сенатскую.
А ты живешь иррационально —
с глазами отсвета цинандали.

Душа в подвешенном состоянии,
как будто чинят «жигуль» над ямою.
Вокруг все тайное стало явное,
в тебе все явное станет тайною.

То сядешь с телеком на ставку очную,
а то в истерике дрожишь до копчика.
Живи, как хочется, ну, а не хочется —
«Вот дверь, вон очередь...»

Я плач твой вытер. Сними свой свитер.
Не рвись в Австралию и Германию.
Я не хочу, чтоб ты стала интер-
национальное достояние.

ОБУЧЕНИЕ ВИНОПИТИЮ

Напои меня вином —
Темно-красною свободой,
напои меня собою —
в рот набрав «Сент-Эмильон»

Напои меня виной,
холодяще, эротично,
все другое — еретично.
Нови, нови нет в ином!

Все фужеры я давно
перебил тебе на счастье.
Обучу тебя причастью
пить взаимное вино.

Научу пить из горла́
вкус малины и канцоны —
антирадиационно
Геба ты, а не герла.

«С Новым Годом!» повторим.
Неужели, неужели

твои женские фужеры
не новее всех новин?!

Жизнь — короткие вакейшены.
Нам завещано одно —
пить из губ любимой женщины
монастырское вино!

Рукавами кимоно
утро сужено в окно.
Нови, нови нету — но
есть вино, вино, вино.

Это больше, чем романы
и терзаний миллион.
Мы — отпетые гурманы
я люблю «Сент-Эмильон».

Новый год — какой наив!
Век какой? Не все ль равно?..
Нет новин, новин, новин,
есть вино, вино, вино...

ЭПИСТОЛА С ЭПИГРАФОМ

*Была у меня девочка —
как белая тарелочка.
Очи — как очко.
Не разбей ее.*

Ю. П. Любимов

Вы мне читаете, притворщик,
свои стихи в порядке бреда.
Вы режиссер, Юрий Петрович.
Но я люблю Вас как поэта.

Когда актеры, грим оттерши,
Выходят, истину поведав,
Вы — Божьей милостью актеры.
Но я люблю вас как поэтов.

Тридцатилетнюю традицию
уже не назовете модой.
Не сберегли мы наши лица.
Для драки требуются морды.

Таганка — кодро молодое!
Сегодня с дерзкою рассадой
Вы в нашем сумасшедшем доме
решились показать де Сада.

В психушке уровня карманников
Садома нашего, позорища
де Сад — единственный нормальный.
И с ним птенцы гнезда Петровича.

Сегодня, оперив пол мира,
заправив бензобак петролом,
Вы придуряетесь под Лира.
Но Вы поэт, Юрий Петрович.

Сквозь нас столетие просвистело.
Еще не раз встряхнете Вы
нас лебединой песней — белой
двукрылой Вашей головы...

То чувство страшно растерять.
Но не дождутся, чтобы где-то
во мне зарезали Театр,
а в Вас угробили Поэта.

ГИБЕЛЬ НАРКОКУРЬЕРА

*В белом сахаре калинка, кровинка моя...
в саду ягода калинка малинка моя...*

Ягодицы как Кандинский полыхают от огня.
В мотоцикле без глушителя отдыхают стремяна.

Спать положите вы меня.

Проводите гимном Глинки
с криминального Кремля.
Кокаин, кокаин — кокаинка моя...

Я давал надежды дозы
в вашем гибнущем саду.
Я возил студенткам грезы
в plombированном заду.

Но в прямой кишке, как мина
увлекая в беспредел,
лопнул столбик кокаина —
мой любовник-миллионер.

Заждалась твоя калитка,
очи цвета чая Липтон,
и к косыночке прилипли
две кровинки комарья...
Украино-Сан-Доминго, непоимка моя.

Вера в жолобе сгорела.
Накрывается жених.
Помяни наркокурьера,
молодой таможенник!

Помяните бестолкового.
Говорили главари:
«Не бери ты много в голову.
В жолоб тоже не бери».

Без копыа семья в Кузьминках.
Миллионы ждут огня.
*Гори, гори, царица рынка, героинка, кокаинка
укоринка моя*

Кто в загадочной кабинке,
как и все перестрадав,
нос напудрив какаином,
поплывет как астронавт?

Ах, студенточка — соломка,
обойдешься как-нибудь.
И Россия в страшной ломке,
воля, прет в последний путь.

Кружит рваные простынки
вьюга в белом забытьи...
Справь, студентка, кокаинка, поминки мои...

«ОКТЯБРЬСКИЙ»

Четыре тыщи душ мерцают вроде мошек.
Смущает странный свет
наш нищенский общаг.
Четыре тыщи лиц я обдаю, как мойщик.
Читаю на мощах.

Читаю на мощах времен кардиограмму.
Шаги мои трещат
от радиации погубленного храма.
Мы строим на мощах.

Построен на мощах Октябрьский зал концертный.
Рыдает валторнист.
Фундамент сохранив,
снес Греческую церковь
Хрущев — волюнтарист.

При имени глупца ты нос смешливо морщишь.
Зал искристый, как брют.
Скажу я проще — будущие мощи
священнодействуют.

Живых, как трупы, топчем мы сегодня.
Любой кумир — мишень.
Неужто трудный путь наш в Преисподнюю
мощами вымощен?

Кошунствует попса. Беретта женщин мочит.
«Ширяйтесь натошак!»
Но освящают нас смущающие мощи.
Читаю на мощах.

УЛЕТ

манит в дорогу ту
дьявол или Госпо
дамочка шла по во
гала-загадка ша

духу можно по воз
зьяме по воздуху нель
знание это собла
гала загадка Бо

тетъ разреши уле

за волгу нужна ви
военный и тот раздво
шиш куда улети
любимая хочет пу

на тишине шума
in сша улетаеt кic

лампочками мига
гала-загадка Бо

рэмбо правнук рембо
боди душу осво
милая сердцем пой
гала-загадку Бо

тает в лобовом стекле
тайный ангел не уле

шкаф плывет когда я лягу
ревность вызывает птица
отекаешь после диск
гала-притяженье Бо

инакомыслие заскока

тает подо мною ле
«итит твою — шепнут — улет
ета ваши-то лета»

ганушкин сказал а хули
мы навеки подсуди

тает в августовском гуле
анаграмма леди Ди

МОНАДЫ

Ю. Башмету

Не надо нас в психолечебницу,
не надо!
Я слышу, как колеблются у Лейбница
монады.
Есть в шейке альта стон обиды,
изгиб коня в момент гамбита,
поющая горизонталь...
Играйте, Юра! Вы — Мефисто,
остригший локоны неистово.
Альт вызывает шахматиста:
«Альт — альт — альтальтальталь — Таль...»
Смерть — альтруизм мальтузианства.
Алтарь — не место тусоваться.
Горяч ваш бархат, как асфальт.
Взывает к Богу из оваций
белка лиловая печаль.
Уходим в музыку остаться.
Метет февраль. Поют Менады.
С какой мучительной отрадой
бессмертие дает Башмет
и альтмановский портрет!..

* * *

Никто меня не провожал.
Но я не терзался обидой.
Плыл провинциальный вокзал,
пропахший мочой и оббитый.

Никто меня не провожал.
Лишь пес провожал меня лаем.
За то, что его привязал
хозяин, похмельем терзаем.

Я шел, напевая мотив.
Меня ты не провожаешь.
И имя мое прикусив,
кого-то сейчас ублажаешь.

Мой тайный приезд и отъезд
прослеживается звездой.
Пока ей не надоест
мое пребыванье земное.

ЖЕНОРОВ

Воронеж — женоров. Ведомый ворожбою,
по Мокренькой спущусь, где слезы жен и вдов.
Весь город окружен невидимой водою.
Воронеж — женоров.

А может, это ров, который бабы рыли,
защитницы Москвы?
Запомнил, желторот, я щеки их сырые.
По Красенькой спущусь. Опасны эти рвы.

Воронеж — женоров. Нас охраняют бабы
от жизни жерновов.
Надежда Мандельштам рыдает для масштаба —
великий женорев.

Я в женщинах ищу Крамского Незнакомку —
не репродукцию.
Я допишу портрет, который недокончен.
Характер узнаю
от саночек до брюк из кожи анаконды.
Осаночка ее похожа на твою.

Два «Мерседеса» есть на этот женский город.
Их Петр замастерил.
Красавицы круты. Показывал же норов
Агапов монастырь!

Неси нас, вороной! Судьбу не остановишь.
Пусть все наоборот.
Это же норов наш по имени «Воронеж»!..
Воронеж — женоров.

Мне мама говорит клавиатурой «Рениш»:
«Мы — край не для воров».

Он кара, ров.
Облит бензином и безденежьем,
шофер Макаров среди нищих толп —
воронежский самосожженец! —
горит, как страшный автостоп.

Мы прилетим сюда российским бизнес-классом.
Шел христианский снег 33-х коров.
Есть корни городов.
Москва — мы, значит, квасим.
Воронеж — женоров.

КАЛЛЫ

Неслись лошадиные силы,
неслись без бубенчиков...
Поставь за нас свечку, милый
Боря Гребенщиков!

Когда я очнулся, нагло
решил, что уже в раю,
узнав в склонившемся ангеле
за меня тревогу твою.

Спасая меня из ночи,
дыша из иных начал,
твой ландышевый позвоночник
беззащитнейше проступал.

Машину всю искаверкало.
Ты завтра — другим слабо! —
надменно как королева
пройдешь в медицинском жабо.

Смеялась. Не упрекала.
Но страх за тебя возник,

затянутую, как каллы,
в безжалостный воротник.

Елизаветинские прикиды.
Высокие воротники.
Мария Стюарт, берегите
шейные позвонки!

* * *

Корректива готовален.
Коллективный гобелен.
Одиночка гениален.
Его жребий — гибелен!

* * *

Что судьба нам накукарекала?..
И рыдает, и гибнет народ.
Но волшебное русское зеркало
все читает наоборот.

«Дума — дума», — скажу я, к примеру.
«Муда — муда», — ответят мне так,
как по телеку и. о. премьера
закодировал слово «чудак».

* * *

Тьма ежей любого роста
мне иголками грозила.
Я на дух надел наперсток.
Жмет, конечно. Но красиво.

ВИЖУ

В небесах фигура гасла.
Кто-то, Господи, свисал.
Будто кто на небо галстук,
белый галстук повязал.

И невидимую шею
обнимали две руки
запоздавшим утешеньем.
И просили: «помоги!»

На подкладке хорошели
от заката ободки.

Так недолго продолжалось.
Незамеченное злом,
сострадание осталось,
туго стянуто узлом.

ЦАРЕВНЫ

Эхо адское в райских кущах.
Как десантники меж ветвей,
на деревьях режут лягушки —
сублимированный соловей.

Их пятнистые униформы
ближе к кайфу, чем Самари,
чем скрипичные, канифольные,
суицидные соловьи.

Эти сольвейговские лягухи
в соловьиных мечтах ночных
заползают девицам в уши.
Те беременеют от них.

Эти трели лягушек русских
слушать я без конца готов.
Тренированные на брусьях,
Подтянулись до соловьев.

Мы с тобой не узнаем сами,
где в отраде сердца сольем —

меж болотом и небесами?
между жабой и соловьем?

Между жизнью и умираньем,
в промежуточных снах людей...
Нутряная труба желанья
обалденней, чем Амадей.

ЧУВСТВО

Падали, хрипя до рвоты, ротные.
Чернозем остался на губе.
Эротическое чувство родины
прижимает, милая, к тебе.

И никелированная ересь,
месяцем пошедши на ущерб,
русский эрос — Эрэсэфэсэрос —
в небе молот скрещивал и серп.

Нержавейка озаряла серость
полосато вроде лунных зебр.

За границей шепчем, как молитву,
наш нецензурированный словарь.
Дворянин, судимый за Лолиту,
сквозь нее усадьбу целовал.

Что сегодня называем «пошлостью»,
это не свобода сатаны,
это вопли на соборной площади
потерявшей родину страны.

Холода черемух приворотные...
Из чужих, заморских пропастей
эротическое чувство родины
тянет всех в последнюю постель.

* * *

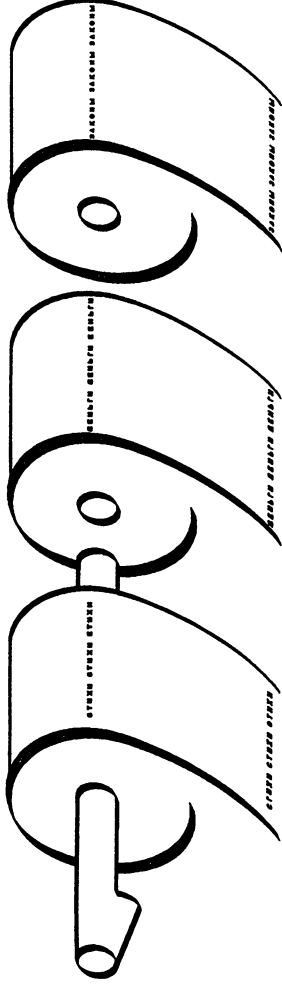
Ко мне юнец в мои метели,
из Севастополя притопал.
Пронзил наивно и смертельно
до слез горчащей рифмой «тополь».

Вдруг, как и все, я совесть пропил?!.

Крым подарили — и не крякнули.
Утопленник встает, как штопор.
На дне, как пуговицу с якорем,
мы потеряли Севастополь.

В новом году для большей отваги

потребуется много

ТУАЛЕТНОЙ БУМАГИ

* * *

Есть в хлебном колосе,
в часах Медведицы —
не единица скорости,
а единица медленности.

Спешат, помятые,
летят режимы,
но миг — понятие
растяжимое.

Кайфуя в фугах,
спешите медленно,
найдя в Конфуции
монады Лейбница.

Скорость кометная
станет комедией,
когда ты медленно
глядишь, как медиум.

В дыханьи пахоты
у перелеска

есть медом пахнувший
зевок релекса.

Смысл — в черепахе,
не в Ахиллесе.

И нечто схожее
в любви имеется —
не в спешке скорости,
а в тайне медленности.

ГОД ЗАЙЦА

Зайцам радостно: в России —
все косые!

Век освоив закидонистый,
общий ужас навлеку.
Зайцы спрятались в Макдональдсы —
только уши наверху.

Мы с тобой от них устали.
Шевелят меж белезны
диноухими листьями
зайцы — ландыши зимы.

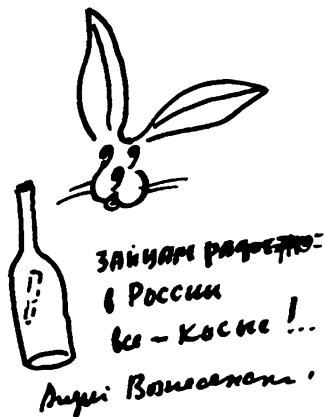
Как три дырочки из черепа,
троеточие следов.
Что пророчит нам тепереча
та цепочка черепов?

Люди — это те же зайцы.
Тоже изредка кричим,
этою импровизацией
так не выяснив причин.

Скаля зубки Сукачева,
каждый заяц горд собою.
Все питаются по-черному.
Все — плейбои.
Жив тулупчик Пугачева.
Все — разбойники.

Кто с тоскою безотчетной
Божий замысел поймет,
на снегу рассыпав четки,
точно заячий помет?

И куда, к лесам неведомым
от двусмысленных светил
нас с Тобой одних по следу
тайный заяц уводил?

ДЕТСКИЙ САД

I

Рассвет. Седые истуканы.
Сны у кроватки.
Начальницыны зубы из стакана
улыбкой розовели, как креветки.

II

Дети любознательны.
Ловили кошку.
Сбрасывали с десятого этажа.
Зарывали. Через пять дней бережно отрывали
шемящий изяществом белый скелетик.

III

- 1) Привяжите мясо к леске
  - 2) Дайте заглотать Жучке
  - 3) Тащите из желудка
- Шутка
- 4) Чем жутче,
тем интересней.

IV

Когда Наполеон скрещивал на груди руки,
в Москве происходило короткое замыкание.

V

Муж тети Клары имел единственный в квартале
презерватив.

Утром стирал его в умывальнике.

Мы, найдя его, мазали изнутри горчицей.

Ждали, пока после полуночи из комнаты

Берты Львовны раздавался звериный вой.

СТАРЫЙ ГОРОД

Давай с тобой зашторим створки
в монастыре «Шести сестер».
Крестообразною отверткой
застыл костел.

В саду не тронуты конверты.
Не дует. Не летит пыльца.
Антверпен полон антиветром.
Мысль не выветривается.

И сад, недвижимый как и прежде,
слепыми слепками белел.
Их пустотелые одежды
хранили очертанья тел.

Обучимся обыкновенью
жить внутренне, не напоказ
в остановившемся мгновенье
неважно до или после нас.

Чей зрячий посох ищет руку?
О чем тоскует трансвестит?
Антропосовская разлука
в нас раковиною гудит.

* * *

Донеслось по связи сотовой,
и земной и неземной:
«Что ты,
Боже, делаешь со мной!..»

Понимаю тебя кожей.
Больше мысли ни одной.
Боже,
что ты делаешь со мной!

Очи широки до дрожи,
смотришь внутрь себя самой:
«Боже, Боже, Боже!
что ты делаешь со мной?!»

Господи, неужто снится?!
Застит свет твоя рука.
За подушечкой мизинца
светит месяц ноготка.

Звезды. Годы. Нечистоты
по пути к тебе домой.
Но за все спасибо, что Ты,
Боже, делаешь со мной.

КОСОВО

Образумь неразумных, Господи!
Задержи ракетный бросок...

На трибуне игрок бесовский,
подавивши сытый зевок,
говорит о трагедии в Косово.
Косово — КОСОВОКОСОВОКОСОВОК.
о, о совок — о совокосовокосовок...

Чьи, разрытые, стонут кости?

Не попал я из Струги в Косово
с поэтессою абрикосовой.
Сербиянка с черными косами,
погадай на ладошке дорог!

Все машины несутся в госпиталь.

Остуди сумасшедших, Господи!
Пощади неубитых, Бог.

ЖУТКИЙ КРАЙЗИС
СУПЕР СТАР

1

Эмиссия листопада.

Не выехать, не пройти.

Эмиссия аристократов —

по курсу один к тридцати пяти.

Эмиссия повсеместна —

притормози машины!

Эмиссия пессимизма,

эмиссия материцыны.

Шурша листопадом мыслей

с Пречистенки до Охотного,

российская журналистика,

идешь со мной, безработная.

Ты Осипа строчку пела.

Шел ошип прессы крутой.

Талантливейшие перья

носятся над страной.

Им отпуск не обналичили.

Да пропади все пропадом!

Российская журналистика
безработна, но не безропотна.

Падают кроны. Женщины
падают. Жжет цена.
Иванушка International,
как крик, летит из окна.
Гуляй же, черная мода,
обтянута вроде ласт.
Безработная наша свобода,
четвертая наша власть!

И новая музыка штопором
закручивает бульвар.
Мы все герои рок-оперы
«Жуткий Крайзис Супер Стар».

2

ХОР:

Новый мелос, мелосмелос,
все смело, смелосмело,
в магазине, что имелось,—
в одни руки по кило.

Мыло — мыломыломыло мы — ломы!
драка — дракадракадра кадракадрака!
булка — булкабулкабулкабулКабул
сметай минтай минтай ин тайм in time

В Лувре под святые визги
вынесли на обзорев
платье Моники Левински
как абстрактнейший шедевр.
Мы бы эту Монику
смяли, как гармонику!
Простирнули бы — all right.
Чистота — ну просто «Тайд».

Кто упер надежд кристалл?
Жуткий Крайзис Супер Стар.

З

Идет эмиссия мыслей. Поющая мисс Эмиссия
снимает комиссионные с эмиссии попсы.

Шуршит под ногой опущенная

эмиссия компромиссов.

В козлах, что хрустят капустой,—
эмиссия пустоты.

Свобода по фене ботает. Мы можем ей поделиться.

Эмиссионер свободы красиво шамальнет с винта.

Любая модель бездарна

без дали идеализма.

Мы — новые безработные.

Внутри у нас пустота.

Эмиссия демонстраций.

Филиппики горемычные.

Особняки кирпичные краснеют из-за оград.

Российская журналистика

сильней Настасьи Филипповны,

не пачки купюры липовой —

журналы ее горят!

Станки печатные заняты.

Им не до литературы:
пустые стихи и романы
абсорбируют пустоту.

Стоят золотые заморозки.
Слетают с осин алтушки.
Запойному графоману,
мне пишется в пору ту.

Мой край, где Нуреев лунный
метал перед нами бисер,
где пулю себе заказывал георгиевский соловей,
неужто ты не мессия,
как Андрей Белый мыслил,
неужто, Россия, стала
эмиссиею нулей!?

ХОР:

Налей
«старочки» в хрусталь.
Жуткий Крайзис Супер Стар.

*Кеннет Старр, назначенный Клинтоном
следователь, потратил на его разоблачение 40 млн.
долларов из госбюджета.*

*11 000 милиционеров и 6000 военнослужащих
участвовали в демонстрации протеста под лозунгами:*

«НАРОД К ОТВЕТУ!»

«СТРАНУ В ОТСТАВКУ!»

«КЛОНИРУЙТЕ ДЕНЬГИ В СБЕРКАССАХ!»

«Не храните деньги в гречневых кашах!»

Началось клонирование купюр.

Стольник — это наш Большой театр.

На наших глазах четверка коней на фронтоне превращается в девятку, а к вечеру их уже становится двести, как в программе «Вести».

Кони, кони, как тучи, летят над городом — табуны!

Женщины, визжа от восторга, задирали головы. Ароматные, мохнатые апельсины сыпались с неба.

Мы с тобой условились встретиться у третьей колонны Большого театра, но через час она склонировалась в тридцатую, а к вечеру — в двести тридцать первую!

28 августа я пел на сцене Большого.

Оркестр из долговой ямы грянул увертюру из оперы «Жуткий Крайзис». Сразу я почувствовал, как левый карман вздувается подобно флюсу. Боже мой, ведь там я положил купюру с Большим театром. Сорок театров раздували мне брюки — и в каждом была сцена, зал и свой крохотный поэт у микрофона. Кони, кони упруго вырывались на волю. Только молния бы выдержала!

Ты делала мне из зала страшные глаза.

Но деньги-то воздушные — я поднялся на левой штанине как на воздушном шаре и полетел за кулисы. Там мы обменяли все Большие театры на зеленую башенку с медальоном их Президента.

Когда Бог произносит слово «Большой», он
заикается:

«Боль... боль... боль... боль...»

В городе исчезла

Черное нце несли на носилках.

Вы читали «В круге первом» женицына?

В по ствах толпились за визой.

Маршировали даты.

Пели: « овей, овей, пташечка!»

Назревал яной бунт.

В Нью-Йорке царил омон Волков.

исты филармонии разучивали мелодию

«Жуткий Крайзис».

Да здравствует мировая идарность истов

филармонии!

4

Как страна моя, я в долгах.
Придуряюсь. Кажусь беспечным.
Одеваюсь, как вертопрах
золотого обеспечения.

Я — в кусках, как и вся страна.
Мои области расползаются.
И душа моя раздана
кому-то на трансплантацию.

Я поставлю свечу за них,
кто живет, за деньгу удавится.
Ведь художник всегда должник,
одновременно — заимодавец.

Заяц ссудит мне до зимы
свою сброшенную шкуру.
На подвал наворую тьмы,
твоим светом наштукатурю.
Жизнь дается нам всем взаймы.

Не признаемся, что горим.
Кто нуждается — мы подсобим.
Если мне так, то как же им,
существуя на пару сотен?

Выйдешь летом — ну что за look!
Как растет в цене многократно
росный ландышевый луг,
не разменянный на караты!

Выпал снег. Горше пик картежных
скачут женщины, как грачи,
чтоб невырытые картошки
откопать, сохранив гроши.

Смотрит в русском долготерпенье
череда раки на лугу.
Перед ними в долгу теперь я?!
Что за чушь! Но заснуть не смогу —

снится ландышевый мне лоб
бабки в стираном сарафане —
не имея денег на гроб,
похоронена в целлофане.

ХОР:

*Шли мы из Епифании —
выпивали — тропой зарастающей.*

Навстречу Он:

«Неправильным курсом идете, товарищи!

*Один рубль идет по курсу «один к тридцати»
(для купли).*

Деревья разевали дуплы.

*Кеннет Старр приделывал к каждому дуплу по
капканчику.*

ПАРТИЯ ПИЛАТА № 6:

Мы, как «Орбит», живем без сахара.

Пересядь на телегу с «Опеля».

Вымыть руки и душу затраханную —
дайте мыльную оперу!

ПАРТИЯ ВАРАВВЫ:

Ну и нравы...

Кота в холодильнике трупик найду

и пару сосисок в холодном поту.

Вы не правы.

ИУДА:

После Брежнева, скажу я,

явный кризис поцелуя.

МАГДАЛИНА:

Жду; накраюсь. Клиент слинял.

Жуткий Крайзис. Супер Стар.

*С Большим театром я завязал. По экономическим
причинам. Перешел на червонцы.*

*Но почему посредине нашей десятирублевки
напечатано крупно «КРАСНОЯРСК»? И башенка
местного Кремля, и плотина Красноярской ГЭС?*

Может быть, красноярский рубль уже отделился от московского? И Красноярская Республика имеет свою армию, валюту, свой язык?

Но что обозначает на их языке «десять рублей»? Я шел, насвистывая мелодию из «Жуткий Крайзис». Вдруг штаны мои промокли. Внезапно из плотины ГЭС пустили воду.

Ты меня высушивала и утешала.

**«МЕНЯЮ КООПЕРАТИВНУЮ КУПЮРУ
«ОТ КУТЮР», В ЦЕНТРЕ, НА ЗЕЛЕНУЮ В
КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ЛЮБОМУ КУРСУ.
ВОЗМОЖНА АНТРЕСОЛЬ».**

В городе появилась соль.

Все плакали. Ресницы заиндевели. Начались морозы. По радио гоняли песню «Ассольвейг».

Шел крепкий посол Прибалтики. В банках и бочках.

«Да посоль ты...»

«Соль — соль — соль — соль», — играли скрипочки.

Все концерты были сольные.

Некоторые — малосольные.

Но что бы они ни играли, они всегда играли мелодию из «Жуткий Крайзис Купюр».

Эмиссия листопада
чеканки лавры Печерской.
Эмиссия чистогана
небесного обеспечения...

Действительность неподсудна.
Я жизнь не переабсурдил.
(Я сам, написав рок-оперу,
от ужаса посинел).
Вяжите, зовите опера!
Я — главный эмиссионер.

Печатаемые строки
тебе не принадлежат.
Повсюду знак: «Осторожно!
Эмиссия. Листопад».

5

ПЕСНЯ ИУДЫ

Иуда — аудио!..

Дезинформацию не исправите.
Не предавал я Господня Сына.
Меня повесили на осине.
И бесы праздновали повсюду
иды Иуды.
А аудитор сдавал посуду.

Я ваши души сосу улиткою,
вроде глиста.
Как Кеннет Старр любил Билла Клинтона,
так я, отверженный, люблю Христа!

Бог не ошибся. Он мной воспитывал.
Он муки вместе со мной испытывал.
Не брал я ссуды.
Аудитории нужно чудо.
А показательному процессу
нужен Иуда. Роли известны.

Паскуды в «Ауди».
Иуда — в ауте.
Но разлюбить Его вы не заставите.
Харкает кровью рябина в августе.
Вою в Саудовской пустыне памяти.

Иуда — аудио...

*А Кеннет Страус откапывал яйца в пустыне
Интернета.
В Интернет перешел журнал «Пушкин».
Нет работы.
Все кабинеты отвечают: «НЕТ — НЕТ —
НЕТНЕТНЕТ», словно определенный артикль THE.*

*«Не тот это город и полночь не та».
Неталла Борисовна просит миллион неталых роз.
Нетанки атакуют Белый дом.
Нетармия ловила дезертиров.
Нева текла, как нетеневая экономика.
«Нет любви», — бормотал Кеннет.
«А на нетральной полосе», — пели с нетого света.*

Мы — бомбы, начиненные нетроглицерином.

6

ХОР:

Съел капусту. Суп не стал.
Ну и козел ты, Супер Стар!

КОЗЕЛ (*с интонацией революцифера*):

С рублевого Владивостока
до пятисотки Соловков
оплата более жестока,
чем полагает острослов.

**Деньга — первопричина Кризиса:
купюры русские суммируй —
получится ЧИСЛО АНТИХРИСТА.
Господь, спаси нас и помилуй!**

«Пятьсот» плюс «Сотня» плюс «Полсотни»
плюс «пять» плюс «десять» плюс «один» —
их сумма пахнет преисподней.
За них мы душу продадим.

7

В иллюзии листопада
ты где-то шуршишь по саду.
Как зебра, вся полосата
от лунного серебра.
Тебе ничего не надо.
Шикарно шуршать по саду,
гуляющие нервы
в ночной пучок собира.

Лягушки Аристофана
бормочут из листопада.
Лист в пятнах от «Мукузани»
шуршит, как лаваш, лаваш...
В душе идет девальвация —
ни славы, ни козней НАТО,
ни Праги с площадью Вацлава —
слова, слова, слова.

А, может, и не по саду,
шуршишь лучом по фасаду,
обвал свободного времени,
обрыдло лежать ничком.

А, может быть, забеременеть?
или сменить прическу?
А ну вас, пошли вы на фиг!
Не надобно ничего.

Задерживается зарплата.
Друзья свистят с эстакады.
Христианская интифада
камнями бьет своего.
Тебе ничего не надо.
Тебе ничего не надо.
Тебе ничего не надо,
кроме любви — ничего.

8

Все ничего — успокойся.
Не нагружай чело.
В мире, летящем косо,
все ничего.

Перед твоей любовью
все — ничего.
Видишь, за изголовьем
очень черно.

Ангел хихикает гаденько.
Молимся за него.
Что нам деньга-деньга-деньга?
Все ничего.

Все на рубашке вишни —
все ничего,
все обещанья Всевышнего —
все ничего.

Корчи Держав в геенне,
чмокающиеся чмо.

Перед Твоим мгновеньем
все — ничего.

Я — олигарх Безденежья,
беличье колесо.
Бог мне шепнул во всенощной,
что Ничего — это все.

Всех четвергов и пятниц
дым кочергой,
и гениальных пьяниц
блеск речевой.

В спешке сегодняшней гоночной
жить всего ничего.
Люблю в темноте иконочной
земляничинки ночничок.

Женские абрикосы.
Первый концерт Чайко...
Все у нас. Успокойся.
Все — ничего.

Ни предпоследней станции.
Ни НЛО.
Все, что от нас останется.
Все — ничего.

9

Кеннет Старр, вуайерист и нравственник, читал сонник. «СОННИК» — «СОННИК — СОННИКСОН — НИКСОН» — с удовольствием повторял.

*Вторая строка ему не понравилась:
«строкастрокастроКАСТРООкастрокастрока...»
Далее следовало нечто непонятное: почему-то магнитно соединились слова:
«ГРИН ПИС...ДЕЦИБЕЛЛЫ».*

Старр заволновался и полез за русским словарем.

ХОР:

Кто купировал Луку?
Супер Крайзис на слуху.

ХОР ПРЕССЫ:

«Кеннет Старр получил лестное приглашение от американского порнографического журнала» («Нью Йорк таймс», август 1998 г.) «Андрей Вознесенский попал в долговую яму» («МК», 21.09.98) «Андрей Вознесенский купил виллу на Багамах» (НТВ,

16.04.98) «Андрей Вознесенский вместо со Шварценеггером и Брюсом Уиллисом избран во Всемирную Лигу удачи» («Комс. правда», сентябрь 1997 г.) «Вошел луноликий Андрюша Вознесенский. Акт соития произошел прямо на сцене» («Караван историй», август 1998 г.) «На квартире на Котельнической набережной был произведен обыск. Искали порнографическую ненаписанную поэму Вознесенского «Царь Никита». Нашли и конфисковали 47 рублей». («Независимая газета», февраль 1999 г.).

**«ТРУД СОЗДАЛ ИЗ ЧЕЛОВЕКА ОБЕЗЬЯНУ.
НЕТРУД СОЗДАЛ БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА».**

ПАРТИЯ АРТЕМИЯ ТРОИЦКОГО

Птички Божьи не сеют, не пашут,
а клюют, что Господь послал.
Спаси кроны и женщин падших,
Супер Стар!

Бей мозги, как орехи грецкие!
В океане всеобщей лжи
и вожди, и интеллигенция —
все бомжи.

Утверждаю я, что есть выход!
Или же наоборот.
Вы хоть
подпишитесь на свой народ.

СВ. АНДРЕЙ:

Меня мучает идея:
может, XXI век
к двум крестам св.Андрея
присоседит минарет?

ПРИЗРАК:

Ноу-хау? Ноу-хау?
Да...хау!

ФОМА:

Клонированные головоногие —
явный кризис экологии.

ХОР:

Всюду Кризис Супер Стар.
Крысы побегли в астрал.

ЭПИЛОГ

Из лягушек черных дождь —
душ, душ, душ, душ...
— Что еще от неба ждешь?
— Жду, жду, жду. Жду-с.

Душ из треугольных груш,
из всего, что ни скажу.
Пляшут лупы луж, луж,
отражая лжу, лжу.

Тебя жалит лжа, лжа.
С неба льется ржа, ржа.
Тебя мучит жар, жар.
«Жар чего?» — спросил Кен Старр.

Барабанят трупы градом
и прыжки самоубийц.
Не швыряй ты в нас, торнадо,
табуретки, как кубист!
Тебе дождик надо, надо.
Встань под душ. И отрубись.

Дождь из женщин, из лимонов,
душ иллюзий, как Лелюш.
Тушь с твоих ресниц соленых
по щеке ползет, как туз.

Закрываются журналы.
Фирмы хлопают дверьми.
Безработною ты стала,
мисс СМИ.

Как? Наверное, по пьянке
с неба в гости рухнул к нам
кризис банка, банкабанка,
как подраненный кабан.

Что ему твои вазоны?
Чувства, что воспел Назон?
Зона, зона, зоназона
блещет лагерным ножом.

Дождь из крыс и из мышей —
с крыши — шейм, шейм, шейм,
желтый и сухой, как дуст...
Не принимаем этот душ!

Притяжение нарушу.
Мозг померк. Как фейерверк,
поверну головку душа
снизу —
вверх!

*Боже мой! Все понеслось. Фантастика!
Мощные струи дождя перевернулись и били в небо,
как фонтаны. Сильные шланги, сбивая ангелов,
обмывали тучи, как садовники кроны.
Все твои жабы понеслись вверх по струйкам,
как грибы на ниточках.
Труп стремительно карабкался в рай,
как матрос по канату.
Паучок печали умчался вверх.
Грезили гейзеры.*

*Мысли людей устремились в небо из затылков,
как из головок душа со слабым напором. Они не
достигали высоты, но сияли, как хрустальные
маленькие коронки.*

*Коровы,
мыча, мчались обратно в тучи, как в грузовом
стеклянном лифте.*

*Кен Старр
уносился к своему порнографическому журналу.
«Как будто струйки биде,— кивнул он на
фонтанчики.— А где же Прекрасная дама? Ах, это
же Луна...»
Но подглядеть ему не удалось.*

*Все покрылось тенью затмения.
Или это мне померещилось? Но сам Князь тьмы,
Кайзер Крайзиса, венценосный Кабан, подобно
дирижаблю, уплывал в свои родные болота.*

*Появилась надежда работы.
Этот душ нам подходит! Принимаем этот душ!*

*В разрывах туч ночное небо сияло,
как звездное платье Моники.*

Принимаем антидождь.
Принимаем этот душ.
Где ж простынка?! Ты идешь?!
Жду, жду, жду. Жду-с.

ХОР:

Кто упер мой пьедестал?
Жуткий Крайзис Супер Стар.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ МАГДАЛИНЫ

Ты меня оставил безработною.
Ты меня оставил.
Ночи безработные, ноги безработные,
душу безработную.
Имя мое бардами заболтано.
Ты меня ославил.
Мне Писаний всех, с Тобой не сходных,
ближе Павел.

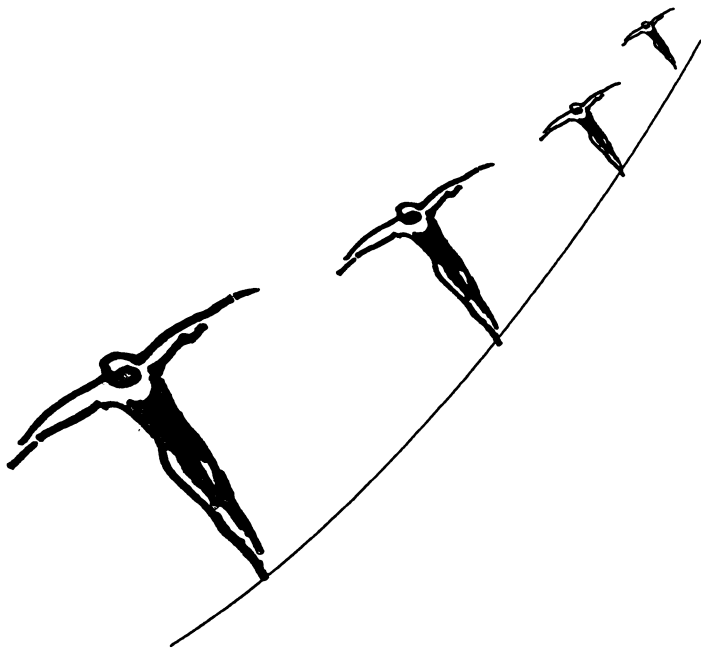
«Груд,— учили нас,— любой почетен».
Ты сказал мне: «Грех».
Я Тебе дала пощечин.
И заплакала при всех.

Понимала Тебя — плакала,
не умела записать.
Наизусть шептала Павла —
не умела прочитать.

Шли солдаты, лапав, лапавлапав.
Павла помнила глаза.

**ПОСЛЕДНИЕ
СЕМЬ СЛОВ ХРИСТА**

ВСТУПЛЕНИЕ

Нам предзакатный ад загадан.
Мат оскверняет нам уста.
Повторим тайно, вслед за Гайдном,
последние семь слов Христа.

Пасхальное вино разлейте!
Нас посещают неспроста
перед кончиною столетья
прощальные семь нот Христа.

He «Seven up» нас воскресили.
В нас инвестирует, искрясь,
распятая моя Россия
the seven last words of Christ.

Пройдут года. Мой ум затмится.
Спадет харизма воровства.
Темницы распахнет Седмица —
последние семь снов Христа.

Он больше не сказал ни звука.
Его посредник — Красота.
Душа по имени Разлука —
последнее из слов Христа.

I

Мои Палестины дымятся дыбом.
Абсурдный кругом театр.
**Боже, прости им, ибо
не ведают, что творят.**

Будущий схимник, слезясь от гриппа,
изобрел водородный заряд.
Отче, прости им, ибо
не ведают, что творят.

На общей простынке в трехспальном клипе
стало тесно троим.
Боже, прости нам, ибо
не ведаем, что творим.

Джентльмены фригидны.
После «Смирновской»
дамам невмоготу.
Father, forgive them, for they know
not what they do.

Тусовок люблю разодетый вздор,
как полюбил христиан Диор.
Наш творческий поиск неутомим,
ибо не ведаем, что творим.

Медведь воспитывает Пустынника.
Клонировать дьяволят.
Пробирку медик нес на крестины.
Медведают, что творят.

А в сердце бои между Духом и био —
не сладишь с сердцем своим,
ибо ибoибoибoибoибoибo
не ведаем, что творим.

В нынешнем августе крестообразно
встанут планеты в ряд.
Простишь, когда сами рабы соблазна
Апокалипсис сотворят?

Идет простывшая Магдалина,
нимфетка, сквозь снегопад.
Нет окаянного кокаина!
Не ведают, что творят.

Постыдные толпы вопят до хрипа,
но снова не Тот распят.
Боже, прости им, ибо
не ведают, что творят.

И телевизор, как вещая рыба,
транслирует все подряд.

II

Нанижи жемчуга из Китежа,
сны нижи на печаль свою.
**Говорю тебе истинно, ныне же
будешь со Мной в раю.**

И не после земного финиша
после Судного интервью,—
обещаю: при жизни, ныне же
будешь со мной в раю.

Нету рая, кроме любви.
Завтра друг мой меня продаст.
This day shalt thou be
with me in Paradise.

Мы с тобой не в телепрограмме,
чтобы всем про оргазм орать.
Мы уже за райской оградой.
Души сбросили маскарад.

В католических трубках органа,
на затылке темного зала,

гарнитурой простого ограна
мне твой гребень блеснет опять.

Будто жребий мне предсказала.
Будто сплю я. И сон мой странный.
Будто сплющенные перстами,
будут смятые трубки органа
папиросы напоминать.

Мы родные с тобой отныне.
Данте с эросом пародиста
комментирует по латыни:
tecum eris in Paradiso.

Вздогнут раны мои занывшие.
Будем с Богом наедине.
Ныне же, ныне же, ныне же
жены лучше не надо мне.

МОЛИТВА МАРИИ

За тебя я боялась во сне
и в толпе, где тебя обождали.
Ты — мой Дух. Я тебя обожаю.
Обожаю, когда Ты во мне.

В нашей Богом забытой стране
Ты — единственный нравственный
кодекс.
Я люблю, когда Ты в меняходишь.
Обожаю, когда Ты во мне.

Я Тебя затаю. Никому
не отдам. Я Тебя обожаю.
Никому — никакому Бежару,
никакому Камю.

Даже ежели Ты на Луне,
в суматохе, на абордаже,
Ты со мной. Я Тебя обожаю.
Обожаю, когда Ты во мне.

Мой товарищ по жизни в огне.
Ощуцаю меж наших пожариц —
Боже мой! — ты меня обожаешь.
Обожаешь, когда ты во мне.

III

Жено!

Истинно говорю — се, сын Твой!
Ученик! Се, Матерь твоя!
Женоненавистники пахнут псиной,
прах в семантике растворя.

Ученица моя, Магдалина,
мандарины дари с куста.
Смерть моя нас не отдалила.
Звон малиновый пьют уста.

Словно грешница, ноги осине
я в слезах смываю сам.
Матерь Божия, утешь Сына!
Mother, behold thy son.

И бессмертней сфинкса рябого,
тишиной слова заглуша,
безутешно творит работу
вечно женственная душа.

* * *

Что натворила ты непоправимо!
В палате пахнет яблоко — апорт.
Но никому не скажешь, Магдалина,
что ты от Бога сделала аборт.

* * *

Вновь как мадонна Возрождения,
прощеным светом даришь ты.
Все обошлось без заражения.
Но только вместо дня рожденья
стоят прощальные цветы.

* * *

Если любила, что ж ты, Магдалина,
убила неповинного мальчика?!
Он бы назвал Отцом Господня сына
и Богом-дедом звал Его Отца.

IV

Господи, Боже мой, Отче!
Для чего Ты меня оставил?
Погляди на земные корчи
очной ставкою из астрала.

Отче! Дух мой меня оставил.
Не достать луны кочергой.
Нож на Каина поднял Авель.
Отче, Господи, отчего?

Отчего мы под фарисеями?
Луна клеит скотч на чело.
My God, why has Thou forsaken me?
Для чего?

Длятся годы мои вне правил.
Новый век объявил «очко».
Для чего ты Россию оставил?
Чтоб спасти людей? Для чего?

Над отчизной хохочет дьявол.
Реет пепл родных очагов.
Для чего Ты меня оставил?
Отче, Господи, отчего?

V

Жажду.

Пить! Ненасытно.
Волгу выпил бы дважды.
Citio!
Жажду.
Нутро мое оросите!

Москва горит, Нью-Йорк — сити,
трещат, как кассеты-видео...
Citio.
Все на продажу!
Жаждет клеточкой каждой,
жаждет, сжатый, как дайджест,
внутри пересохший торс.
I thirst.

Снежку бы... грязного даже...
с обочины лавки Сытина...
Боже, спаси Россию!
Citio.
Жажду любви, хоть росиночку...

Мы кончили с жизнью тяжбу.
Как женщина, жизнь ушла.
Винною губкой страждущие
освежите мои уста!

Пожарища. Душно. Тяжко.
Страдания остужа,
рождается — жажду, жажду,
жажду, жажду! —
Д У Ш А .

VI

К духовным вершинам
Ты душу вынешь
из казематных мест.
Свершилось!
It's finished!
Consumatum est!

Кончено, Отче.
Корчатся мощи.
Страдания — Божий тест.
Мне тело, как силос.
Мне жизнь как приснилась.
Прощаясь, целую крест.

It's finished.
Свершилось.
Consumatum est.

Малиновый звон окрест.

VII

Окончены муки. В очи
светится путь домой.
**Я в Твои руки, Отче,
передаю дух Мой.**

Сложишь ладони домиком —
ныне же мы в раю.
Вырвавшись от подонков,
дух Мой передаю.

Что ж я страшусь разлуки
с жизнью? Пропел петух.
Боже, я в Твои руки
передаю Мой дух.

Хватит играть комедь.
Сад мой вишневый спилят.
Into Thy hands, I commend
my spirit.

Гаснет все, что имеем.
Манитаризм лукав.

In manus commendo spiritum meum.
Дух Мой в Твоих руках.

Века без возлюбленной женщины
мне пребывать в бессонице.
Одна без меня во Всенощной
к колонне она прислонится.

Над брошенными погостами
останется мыслить камень.
К Тебе возвращаюсь, Господи.

Амен.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Землетрясение.
Семь летросетов.
Распад России. Псы пахнут серой.
Семей крушенье. Тоска в семь серий.
Семь семафоров жизни смертельной.
Сергей-есенинские уста...

Се, Революция сейчас — в смирении.
Ева, вкусившая семиренку,
опять чиста.

Над недоразвитыми детьми
смилуйся, государыня СМИ!
У Мироносицы — усы Хусейна.
Будя дремоту, под новый век
ерусалимский пел кукарек.

Il terremoto? The Earthquake?

Армения и Македония.
Кресты. Серпы. И магендовины.

Я чую в наших закидонах
аромат Армагедона.

Смятенье духа. Духотрясенье.

Над маросейками, как наседка,
замрет трассирующая звезда,
над куполами, вместо бассейна,
над планетария зрчком базедовым
вздохнет внимательная слюда.

Мой семидневник, мой собеседник...
Прочту с листа:
«Не в супербоингах спасетесь семьями.
Смысл в сердоболии,
в любви — спасение».
А математика любви проста.

Семь отрешений,
семь милосердий.

Се, Мать Божия!..
Читаю сердцем.

Это последние семь слов Христа.

CE

Семь   се
                  се

Се   се
Семь сем   семь се
Се   - се   сме

Се,   се   см
  сем

см   см
  се

Се

См

се

се

се

се

сем

се

се

семь

См

се

се

Семь

семь

се

Се, Матерь Божия!..

се

се

Это последние семь слов Христа.

Берегите заик!

БЕРЕГИТЕ ЗАИК!

ЗАЛОГ ПОЭМЫ

- Отпустите тормоза!
- Я за
    (за-а-а-пойный, но за-арекаюсь)
Я знамя Заратустры
    (за икс свободы!! за иго счастья!
  за Икшей хаус...)

Я заикаюсь.

- Всех в икарус!
- Среди задержанных есть поц со знаменем.
- Задержка подсознания.

I

Берегите заик! В них восторг заикания.
В них Господь говорит в прозаический миг.
Они — праязыческие могикане.
Берегите заик!

Берегите заик. На пластинке заигранной
есть щербинка, заминка... В бензинный час пик
я пол жизни отдам за лошадное: «И-и гого!»
Берегите заик.

Помню Вас в пиджачке из бумаги оберточной.
Гениальный заика Вы стали, когда
так Вы самоубийственно, Николай Робертович,
заикнулись о времени в пьесе «Мандат».

II

Урны заикаются: за! за!
Битлы заикаются: е-е!
Лебедь заикается: еб! еб! еб!
Зайцев заикается в ателье.
Музыка мучается: му-му.
Банки заикнулись: нули, нули.
Россия демократию симули...
Иконы заикаются на Христе.
XX век заклинился на букве х...
Месячные задерживаются за январь.
Ура задерживается в руднике.
Мы подзадержались по дорожке в Ра
Ра содержится в языке.

Тампакс заикается: там, там.
Пушкин в майском жужжит жу
Где же ваши души, Оте и Ма ?
Ду находится в языке.

Хаос мне выдавливают глаза.
Я за

IV

Толстой заикается: е б ж.
Лифт задерживается на этаже.
Дали заикается: Гала, Гала!
ТВ заикается: клинекс, клинекс
Попарт заикается: Жаклин, Жаклин, Жаклин!
Монику заклинило: полный рот забот.
Вода из ручкомойника не идет.

Успокойтесь, Моника.
Выпейте лимонника!

Нью-Йорк закупает консервы, консервы.
Вор заикаются: кар, кар.
Кот заикается на трубе.
ТВ заикается: кариос, кариос.
Я заикаюсь на Тебе.

На выставке Тышлера я задерживаюсь в первом
зале, где «Ты».

Цветы. Тычинки.
Ты — единственная из тыщ.

Лани учатся латыни,
лишь ты в клинику вошла.
Без тебя душа остыла,
и похожа на осла.

Без булки проживем,
но — без бутылки...
Вместо лермонтовской бурки
нам Бутырки.

Когда Ты уехала, Тында сказала: «нда...»

Шагал заикается: коза, коза.
Я за

v

Пусть вы средний художник — хоть платок ваш,
как фи́га —
на зиме нарисуйте последний лист.
Сохраните заику, потому что заика —
последний индивидуалист.

Не размазывайте по стенке
нас, российские Ньюсуики,
сохраните в себе языка застенчивость,
сохраните в себе заику!

Не в Сбербанке хранит свои яйца страус —
вся пустыня — тайник.
Я, читая стихи, иногда заикаюсь,
когда Бог посещает их.

Заики — сегодняшние поэты.
Не лечите заик. Им доступно одним
сказать о нашествии блендомеда:
«Блин!»

VI

Инженер Заикин
не рожден великим.

Он сказал: «за Роди...— но война закончилась —
...и ну!»
(начали новую войну).

Поднял тост: «за Ста...— но не стало кормчего.
Он мечтал о пончо, но стоял за пончиками.
Он сказал: «япо...», но не нашли Япончика.
Он сказал: «Мавро...». Ему ответили: «МММ».

Он не за импичмент.
Сноб, но не тряпичник.
Очень мазаичен
инженер Заикин.

В уикенд оттягивался.
Что для всех уикенд,
на квартал растягивал
для себя Заикин.

Взял билет на Зыкину — попал на «Титаника».
Говорят Заикину: «Ваше место занято».

Был в любви он сдержанный. Умирили женщины.
Начинал при Брежнев, а кончал при Ельцине.

Бабушка Заикина, она же его внучка,
была киноактрисой. Жил сладко, как тянучка.

Умер после дринка. Полетел он на небо.
Говорят Заикину: «Ваше место занято».

В ад спустился, хныкая.

«Бронь для членов саммита,—
говорят Заикину,— Ваше место занято».

Возвратился заново к нам он, горемыкам.
В нас живет он, Аника — инженер Заикин.

VII

Россия начинается с языка,
чинариком, песенкой под з/к.
Что шло кофейнею игровой —
ударит феней по Старовой...
Для исследования наших бед
нужен не следователь, а логопед.

Шоссе Эклезиастов. На углу.
В блуджинсах ждет глазастый д-р Блу.
Он слышит внутренние голоса
в биокомпьютере. Колосса...

Ломоно Наполео Велик Ека
живут в содержании языка.

Застопорился Севастополь: стоп, стоп, стоп...

Зубная паста в ТВ никак
не выговорит: «Пастернак».

И сперма, несущаяся в водопровод,
«Лермонтов» не произнесет.

Картуз летает на козырьке.
Россия — на языке.

Тусовка заикается: туза! туза!
Я за
горизонт, как в Атлантике на доске,
летаю на языке.

Берегите заик!

VIII

ПРОЛОГ

Сон Заикина:

я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-зык

удлиня-я-я-я-я-я-сь, как тещин, ползет через

Я-я-я-киманку

и уже Твоего подъезда достиг.

Вдруг — Уазик!

Вжик!..

Оппонентом у Блу был доктор Ублю.

Я его не люблю. Но рука резка -

удаляет он «я» из языка.

Был Маяковский —

стал Маковский.

Был боярин —

стал Борин.

Свою роль

забыл рояль.

Чтобы Ты, бля, не грустила
почитай бл. Августина.

Маята
без мата.

Не ел Блок
евиных яблок.

СМИ — не смена
тебе, Несмеяна.

Боксер рассказывал, сняв напряг:
«я его — ху к, хук, хук...
а он меня — ху к, хук, хук...»

Не теряйте свое «я».
Утеряли —
Вас утерли.

Бредовые ваятели
ушли в преподаватели.

— Как жизнь, Божий раб заяц?
— Полный абзац.

Президент Стоянов
сказал без стонов:
*«Идиотов бы поубрать вдвойне
и в твоей стране и в моей стране...»*
— У, братья...
Проза просит у метро.

IX

Пока волки каялись — съели зайца.
Апокалипсис — просто компьютерный сдвиг.
Расквитавшись за все, в двух нулях заикается
Иго умных заик.

Не желает в будущее компьютер:
«Компью, компью, компью...»
Возвращает нас всех беспощадно, как Лютер,
к пещере или копью.

Но мне все не икается — как ни пью.

И биокомпьютер: храплю, храплю...
Коплю, коплю, коплю —

но все тысяча девятьсот.
Краплю, краплю, краплю — но все не везет.

Ты прекрасно, мгновенье, чтоб остановиться!
Пронесёшь над Москвой.
девятнадцатилетняя самоубийца
пшмакнет след кровью!
19 — 00.
Тысяча девятьсот — навсегда никакой.
Два ствола за спиной — на всю жизнь выходной.
Не минуты — а маленькие малыши,
они — «нодито!» — пьют, они требуют брюта.
Жду Тебя. Уже год 19.00
19.00. Победили компьютеры.
По расписанию разбился ИЛ
19.00. Замолчали корнункты.
Вдур Заикий заговорил.

XI

Заикин заговорил.

Обнаружили англичане.
Как будто вулкан Курил,
Великий Молчун печали
Заикин заговорил.

Язык его — гоп со смыком
помножен на дыл-бул-щир.
Фурыкает наш Заикин.
Заикин заговорил.

Что тысячи лет молчало —
заяц, тоска, арыки —
мычало, правду мочалило,
читало стихи Мочадо,
орало через Заикина.

Заикин вошел в компьютер.
Во лбу его глаз горит.
Мы без него бы скопутились!
Пусть поговорит.

Мы были страной молчальников.
Теперь вопит что есть сил
страна выкипающих чайников.
Заикин заговорил.
Полгорода обварил.

В речах его воскресали,
как в кипятке цветы,
убитые им красавицы,
и тысячи раз — Ты.

Слова посылал голубятник
по имени Гавриил.
Певцы безголосо клубятся,
умолк капитан Лебядкин.
Заикин заговорил.

В словах неслись без пижамы
от гения, до юнца.
Женщины любят ушами —
не предохраняются.

Живая вода — из крана.
Повесился некрофил.
На всех телеэкранах
Заикин заговорил.

Осел орет Буриданов.
Как депутат сивилл,
от имени пуританов
Заикин заговорил.

Молчат канонады НАТО.
Заику мочи, зоил!
Отдыхайте! Шахерезаду
Заикин заговорил.

Компьютер пьет аварийно
за тысячу девятьсот.
Идет поток говорильни.
Заикина несет.

Звезда говорит со звездой.
История — спор светил.
Вернувшийся в Асторию
Есенин заговорил.

Чайка кричит Чайковским.
Вопили жильцы могил.
Не поняли ничегошеньки.
А он, говорил, говорил...

Народ обожал Заикина:
«Он Рюрика превзошел.
Он новый варяг! он викинг!
Заикина на престол!»

Ответ его был корявым,
но скромным был в стиле выюг.
«Не нужно, честно говоря,
говоряговоря, говоря — варяга,
чтоб спастись — говорю, говорюговорюговорю —
от ворюг...».

***

А мы, мой резвый читатель,
пока он заговорил,
расслабимся. Помечтайте!
Я фрезии вам купил.

Лети без меня, икарус,
жги тормоза!

— Док, мы обустроим хаос?
— ДОКТОР: я за

ХП

Каждый сотый в нашей стране — заика.
Наш невнятен язык.

Заикающаяся зарница
мигает, как Божий миг.

Кто вас там заказал, сероглазый Мюнхаузен,
тихий книжник, считавший, что он Беня Крик?
Я читаю стихи, я за вас заикаюсь.
Я молюсь за заик.

Берегите заик!

ФРЕЗИИ

* * *

Вот и сгорел вроде спутников,
кровушки нашей отведав,
век гениальных преступников
и гениальных поэтов.

ЗАЛ ЧАЙКОВСКОГО

В Зале Чайковского лгать не удастся.
Синие кресла срываются с круга —
белой полоскою, как адидасы.
Здесь тренируется Сборная духа.

Люди поэзии, каждую осень
мы собираемся в Зале Чайковского.
В черных колечках пикируют осы
к девочке в стрижечке мальчуговой.

Государство раздело интеллигенцию
почти догола, точно в Древней Греции
Климат не тот. Холодает резко.
В плюшевых креслах согреем чресла...

Сытый толкает тележку с провизией,
родине нищей сочувствие выразив.
Цензоры с визгом клянут телевизоры,
не вылезая из телевизоров.

Гарри, сфугуйте над горькою оргией!
Не обеспечивают охрану

правоохранительные органы.
Может, спасет нас молитва ограна?

Зал этот строился для Мейерхольда.
Сборная духа пошла под дуло.
Нынче игра в обстановочке холода,
Не проиграй ее, Сборная духа.

«ПТИЧИЙ ЦИРК»

Клоун обхохотался кубарем.

Опупела публика —

Класс!

— Шампаневича нам откупорили.

— В Цирке ласточка завелась.

— Хулиганом небось подкуплена,
дебютантка, малыш, под куполом
опозорилась!

— Чай, отечественное слабительное,
на английское денег нет...

Как прожектора сноп, в обители
очистительный брызнул свет.

Ржання публика не сдержала.

Оборжался пиджак в дерьме.

Умирала до слез Держава,
опозорившаяся в Чечне.

Тяжко жить. К чему обличенья?

Все ложится на женские плечики.

Облегченья нет, облегченья!
Ты облегчилась.

Тяжек гнет, тяжела свобода,
Даже, может, — потяжелей.
Что естественно для природы,
неестественно для людей.

Понимали ее естественно
лев, пичуга и конь в пальто.
Где невольная дочь протеста?
Где она? Не знает никто.

Она птицею улетела.
Она ласточкою была.
Птице нет никакого дела
до условных добра и зла.

Я видал, как сверкнули крылышки —
цирк!..
С той поры шапито под крышею
называется «Птичий цирк».

ЛИКУЯ И СКОРБЯ

В пустыне вопросов, вдали от политиков,
я с Вечностью свыкся.

Там сфинкс с вдохновенным лицом сифилитика
безносо тоскует без женщины-сфинкса.

А вдруг ему, правда, Россия снится?
Господняя рана от Выксы до Стикса?
С улыбкою сфинкса и палочкой твикса?

Красивей, чем булочная Филиппова,
Прекрасная Дама из группы риска?

* * *

Где заснеженная Россия?
Ночью Дух мировой не спит.
Как шипованная резина,
призмы темные пирамид.

Или кто-то от жизни пошлой
с головою в Землю ушел?
Мы лишь видим его подошву,
не уместающуюся в земле.

ХАКЕР

«Мы тебе устроим козью ногу!»
Бабы били Казанову.
Каркал ворон. Бьют сурово.
Хакер — новый Казанова.
Он взломал любви основы.
(Сам из Харькова. Звать Вова.)

Взламывал он женские тайные компьютеры,
Как «Титаника» каюты.
Сорок раз входил в Мадонну,
и в банк с наклейкой голубой.
Всех имел девиц в Макдональдсе,
не имея ни одной.

Пентагон взломал без визы.
Монастырь лишил невинности.
**Рот разинув, Мона Лиза
стала Моникой Левински.**

Побледневши от интима,
худ, как язвенник в экстазе,

M.L.

изнасиловал систему
спутниковой связи.

Отдыхает Cosa Nostra.
Хакер — новый Казанова.
Секс имел с трубой Козлова.

А от женщин трех столетий
у него остались дети.
Из кроваток и могил
плачут: «Папа — некрофил!»

Любят женщины ушами.
Отрезал на память уши.
На веревочке их сушит.
Словно половинки груши.

Злей убийцы заказного
хакер — новый Казанова.

Бабы били и резвились:
«Занесет во внутрь нам вирус!
От Нью-Йорка до Москвы
Ганибал он нам мозги».

— Казанова Интернета
спас казненную Антуанетту,
голову склонив на *это*.

Загазованы коровы.
Бабы кроют озорного:
«Козел ты, Казанова!

НЕТ ФАШИЗМУ В ИНТЕРНЕТЕ!

Пусть гуляет по планете.
Звезды раком над Ираком.
Что ж тебе наш секс нелаком —
пышногрудый беспредел
невостребованных тел?!»

Отвечает бедный хакер:
«Я на вас, миледи, харкал.
Казанова — не развратник,
Рыцарь грез я невозвратных.
Люблю маму Льва Толстого.
Гимназистку.

Честное слово!
К ней лечу! Туши свечу.
Жизнь — хренова...»

После спича козырного
спрыгнул
с этажа шестого —

Помяните Казанову! —

Шмяк!..

Ну и ну!.. Конец кинú.
Встал. Пошел к Шемякину.

ОДА В ГОД МСМХСVIII

«Сто» звучит по римски — «Ц»,
По Волхонке мчат центавры.
Цоколь мыслит об отце
и Музея, и Цветаевой.

Неизящны времена.
Жизнь звереет от паскудства.
Но душа посвящена
в смысл изящного искусства.

В ящике попсы напевы.
Волку хочется «капусты».
Но существует цвета Ева!
Есть изящество искусства.

Как живется вам, Рембрандты,
и в пупырышках Сера?
Уникальны эмигранты —
не на Запад, а сюда.

На изящную зарплату
их служители — в тени,

существуют в пику аду.
Значит, ангелы они.

Ты мне встретишься у кассы,
нестандартно хороша,
на лице, как у Пикассо,
не вмещаются глаза.

Зал корриды я миную,
окуну в Мадонну взор,
позабуду на минуту
долларовый коридор.

Рихтер дал нам индульгенцию
лет на тысячу вперед.
Лезет в очередь народ.
Русская интеллигенция
умирает, но — живет!

И мучительней, грязнее,
чище, чем Тулуз-Лотрек —
бешеный как велотрек —
стал ровесником Музея
дважды христианский век.

СКРИПКА

В скрипичных снастях
Летали страсти,
Мы были в трансе

свистали ветры.
порвав конверты.
от иновертов.

Скрипач над Мурманском
летал без кепки,
пришпилен к музыке,
как скрипкой — скрепкой.

Она, из рода Спиваковых,
кричала нам:
«НЕ СПИ В ОКОВАХ!»

ИСПАНИЯ

Ферзь голубой. Черный король.

Зеленая бассейна хлорка.

Светофор — «триколор» —

three — color — три калор,

калор-калор-калоркалоркалоркалор —

Л о р к а.

ФРЕЗИИ

— Вам идет арбузный вырез
— Вы резвы, резвырезвы.
Вы изрядно подразвились,
комплиментенщики Москвы!
Фрезии купите Вы.

Я сниму губами вирус
с Вашей милой головы.

* * *

Оскорбляя мораль проституток,
на глазах возмущенных светил
благородный бесчестный поступок
ты свершил.

Что с того что, вскинув винчестеры,
черти пустятся в пляс —
если ты чистотою бесчестной
кого-то спас?!

* * *

Люблю Ад:
чана чад —

пятки, пятки — пяткипяткипяткипяткипят —
к-и-п-я-т!

* * *

Люблю до одурения тебя, Москва.
Здесь гения зеленая голова,
здесь в лужах отражается рель-аква...
Снежочек горностаевый...

На Кремле
голуби оставили крем-брюле.

**КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ
«CASINO» «РОССИЯ»**

«Россия» стала — «Пушкинский».
Страна меняет пол?
У Буша ножки Кински?
В нас соловей пуштунский —
разбойничать пошел.

Политики опущены.
Что там ни говорите,
двадцатый век откушали.
Играй в «двадцать одно».
В безумном лабиринте —
лигенция напугана.
Россия, ставь на Пушкина!
Россия — казино.

По мировым стандартам
мы явное г...но,
но святы по страданиям
в Господнем казино.

За Пушкиным — Россия
белей, чем Ганнибал.
Как шляпа у хасида,
чернеет пьедестал.
Только поля опущены...
И что нас ждет за Пушкиным,
за Беловежской Пущею?

Но, самые атасные
отвязники любви,
не продавайте тампаксы
у Спаса на крови!

Мы ставили на «красное»,
мы ставили на «черное».
Идут снега исподние
и просят у метро.
Ты проживешь без «Оскара»,
чернушная, бесовская,
Господняя Россия,
Ты ставишь на «зеро»!

Люблю тебя на Пушкинской.
Над стрижкой продрог,
как бабочка-капустница,
лимонный ветерок.

Бежишь, зрачки расширя.
Покрытая едва,
в платочке из цифири
кружится голова.

И снежные пушинки
в волосиках хмельно
оттают, как пружинки...

Ты — Божье казино.

ЗАПАДНИК

Ни винегрет, ни йогурт, ни Курт Воннегут —
ТУРГЕНЕВ — ВЕНЕГРУТ.

Мы чистоты почины,
мы пухнем от пургенов.
Мы вас разоблачили.
Вы — венегрут, Тургенев!

Имперский резидент,
с альпийской головою?
Империи уж нет.
Но кудри, как левкой...

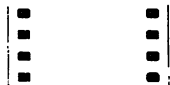
Надев на тело белое
двуполое пальто,
палит из парабеллума
Полина Виардо.

Шифруя падежи,
передаете Морзе
в Москву: «Как хороши, как свежи были розы...»

ТАЙСКИЕ ТАЙНЫ

Я не люблю когда реклама прерывается фильмом.

**ЧТОБЫ НЕ ЗАРАЗИТЬ МОРЕ ДУРНЫМИ МЫСЛЯМИ,
ПОЛЬЗУЙТЕСЬ РЕЗИНОВЫМИ ШАПОЧКАМИ.**

**Мировая тоска в таблетках гложет вас
до полного похудания**

**Ева вла змея, чтобы похудеть.
Вышло наоборот.**

**Красавица скрипит зубами,
Томила тайскою тоской.
С солитерационалом
воспрянет род людской !**

ПЕЙТЕ

ТАЙСКИЙ ЧАЙ

(ДО КУРСА)

(ПОСЛЕ КУРСА)

(ДО КУРСА)

(ДО КУРСА)

(ПОСЛЕ КУРСА)

Бритва "Жиллет" обеспечивает безопасный секс

Воды века
Ноев норов
ХАКЕР В РЕКАХ
ХАРОН В НОРАХ
нет в аптеках
тохиноров
ХАКЕР В РЕКАХ
ХАРОН В НОРАХ
Хаки - лекарь
для сеньоров
ХАКЕР В РЕКАХ
ХАРОН В НОРАХ

**Педагоги и школьники ! Соединяйте уроки секса с духовностью !
Но нельзя натягивать контрацептив на колокольню Ивана Великого.**

Для похудания телес
красавицу ест солитер.
Чтобы разум похудал
глотайте телесериал.

НЕ СОРИТЕ !

Я только бомж в общественном саду.
Как мусорную урну, Нефертити
я обниму, усну и пропаду

ПРИЯТЕЛЮ

Я — энергодатеря.
Не простынь на стороне.
Пусть в пути тебя согреть
твоя ненависть ко мне.

ФОТОМАСТЕР

Аристократизм в красоте,
не среди родословных дубрав.
Сын плотника — на кресте.
Плотников — фото-граф.

* * *

Вдову великого поэта
берут враги.
Стекает зависть по заветной
по лунной стороне ноги.
Нет, ты ему не изменила.
С подушки в темноту зеркал
ты прошептала его имя.
Но он тебя не услышал.

РЕЧЬ

Макдональдсы. Осы медовые.
Впадала, смыкалась, дышала
«Сухая Река» Македонии
с сухой водой Мандельштама.

Струга 1998 г.

ШКОЛЬНИЦА

Ревет метро, как пылесос.
Бледнеют взрослые, как монстры.
Под кокаиновой пылью
дрожали ноздри.

И это крылышко с брильянтом,
и ноздри с белым оботком
притягивались хоботком
к беде, сладчайшей и приватной.

К чему фальшивые жемчужины?
Уже поехал потолок.
И лобик, мыслями замученный...
Лети, мой падший мотылек!

Не вызывайте «Скорой помощи»!
Тот хоботок неумолим.
И ноздри с чуткою каемочкой...
Ах, окаянный кокаин!

Летишь от наших низких истин,
от туалетного бочка —
небесная кокаинистка,
набоковская бабочка!

* * *

Поклонницы радостноглазо
дают на концерте цветы.
Ты — ваза,
чтоб эту охапку нести.

А дома я пью твою вазу,
задерживая глоток.
В тебе, запрокинувши разум,
ночной распустился цветок.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ПОЭМЫ

Конь Блед, примерь стремяна!
Азот, грозу распогодь.
Мой бред, помилуй меня,
в душе ураган, Господь!

Горсуд, помилуй истца,
овца, клонируй творца,
гроза, не молнируй в дома,
тишина, спланируй в меня.

Помилуй от урагана —
где, как проклятье с губ,
как воспаленный зуб,
летит из Тархан тараном
вывороченный с корнями
лермонтовский дуб!

О чем разевает рот
Памела Андерсон в снах?
Золотая рыбка поет
в панировочных сухарях.

— Соседу виллу испортъ,
пожар спланируй, Господь!
— Из плоти духа исход...
Кому пришлет сатана
мотоциклетный эскорт?
Скучаем, «Pall Mall» дымя.
Стал Брайтон Бич русопят.
Не тот, говорят, распят...
Луна, лорнируй распад.
Господь, помилуй меня!

Туман наш горит полынью.
И, может, не все обман?
Помилуй дитя Полину,
родившуюся в ураган!

Мы красным вином с сулугуни
отметим весть Рождества,
чтоб здравствовала игуменья,
чтоб здравствовала Москва!

Помилуй,
по-милуй,
пошли нас — по Мытной,
по Минке,
по минной,
по мнимой Жасминной,
как опера мыльной,
по «митькам», как на Пасху,
память — камень за пазухой,
колокольный, именинный, —
от Лукойла до Совмина,

звон, компьютером
переученный...

В Вознесенском переулочке,
у памятника Чайковскому,
подобному скрип-ключу,
я Моцарта обучу
с колоколами чокнуться!

Мы — дети волшебной сказки,
где вместо колоколов
стучат как шахтерские каски,
купола без крестов.

...по тминной,
по маленькой,
пей, да помалкивай,
салфеткой слезу промакивай,
целуй образок эмалевый,
во благо, со всех силенок,
двадцать пять тыщ «зеленых»
вымаливай...

Крест золотой над маковкой,
на глазах у программы «Вести»
рассыпался как щепоть...
Москву помилуй, Господь!

ГРЕХ ПЛАКАТЬ. ИЩУ ИНВЕСТОРА,
ЧТОБ К НЕБУ КРЕСТ
ПРИКОЛОТЬ.

Я — ВОРОН

Я - ворон.
Наглому дерьму,
в меня пальнувшему от скуки,
я снисходительно кивну -
кивнукивнукивнукивнукивнукивнукивнукивнукивнукивнуки

Иные наступают муки
тысячелетью моему.

кивнукивнукивнукивнукивнукивнукивнукивнукивнукивнуки

* * *

Вместо сада — Зоо,
вместо адских — СОИ
я услышал зовы,
я увидел зори.

Вместо дыр озонных
от аэрозоля.

Люди вместо Сольвейг
отвечали: «сорри...»

С государством ссоры.
Родины позоры.
Но смущают зовы,
посещают зори.

ШУЛЕР-КВИНТЕТ

«Со-бытие»

Мартин Хайдеггер

I

**роза обертывается целлофаном
целлофан обертывается розой
форель обертывается Шу**

Шумел Ерушалаим. Он шел по воздуху.
«Шулер!» — вопила понятливая толпа.

— Вы читали «Давида Копперфилда»?
— Аферист! Он в водку ввел нам клофелина
— в Мазолей он влез под видом некрофила
— нефтедоллары копили — профершпилили.
Мы считаем, это не без Копперфилда.
— «Alitalia» для бонз. Мы простофили.
Мы летаем с Давидом Кпперфилдом!

Восемьсотпятидесятилетняя
на него, в кремлевских перезвонах,
бабка просит лишнего билетика
за 700 зеленых!

Мчит налог с копилкою болезною.
Номинация — с подачи Копперфилда.
Кот вопит. Ему нули отрезали.
Туалетов нет по всей периферии.

Зелень улетает с Копперфилдом.
И глядят с журналов — под копирку —
дивные андивы леди Ди.
Господи, не приведи!..

II

Додик Коткин повествует о Давиде
о давиде о давидеодавидеодавидео — видео —
видео-шарада.

Пилой с кремлевскими зубцами
он исполняет на себе законы Шариата —
«вору — кару! —
ворукаруворукаруворука р у к а рука рука

Черный покер.
Режет, кобель.
Скрежет...

— КОППЕР...

...фильдеперсовою чайкой
его ноженьки поодаль —

— невидимый хирургический
РОСС... ...СИЯет скальпель —
— отдайте отрезанный КРЫ... ...Мать нашу, ЮБК —
— бык Апис децентрализовался в ним... —

— футуризм лучший отдых семь... —

— 7 тощих коров съели 7 каров + 7 «икаров»
+ 7 пейзажей Коро —
коровки оказались бешеные —

мы — центробежные —

люди неземного притяженья,
шушера небесная страны,
нашу жизнь притягивают женщины
с шулерским наивом синевы.

Обожаю все твои сенсации!
Раздвоенье и печальный блеф.
Дама черв — она с двумя сердцами,
и с двумя крестами дама треф.

Не заглядывайте за кулисы
дрогнет шулер-радуга мостом.
В лунном свете шулера Куинджи
люди ищут лампу за холстом.

Обожаю и фонарею.
Под фанеру вьюги дом поет.
Когда ты, с веснушками форели,
милый шулер, ты ломаешь лед.

Ты сидела,обхватив складные ноги,как складной
деревянный метр,— ног много! —
— ног много! — **ноги ногиногиногиного иного —**
хочется иного!

Мы гала-загадка Бога.

Оборотень стоял на сцене.
Ты вздымала руки в его объятиях.
Одновременно
такая же пара взвилась в центре зала
в развевающихся одеждах,
воздев руки, как «Рабочий и Колхозница».

Одновременно
та же пара перед ВДНХ
протягивала руки к небесной баскетбольной
корзине.
Семейная корзина была пуста.

На Новом Арбате открылся ресторан «Мираж».
«Жарим!» — вопила понятливая толпа.

III

За кулисами свели меня с Копперфилдом.
Он к джинсовке примерял порфиру.
Он пропах печалью и карболкой,
шулер с лермонтовскою тревогой.

— Я прошу тебя как шулер шулера,
я прошу тебя как жмурик жмурика,
я спрошу тебя как Шуман Шуберта —
приоткрой гала-загадку Бога!

И еще заметил: «Не раздваивайтесь!»
Он ответил:
«Не расстраивайтесь...»

И сразу отправил двух сумчатых женщин
в Австралию.

В спешке
бюст Ворошилова прилип к бюсту Екатерины,
как две магнитные пешки.

Ятагантка восстановилась.

Садилась в ЛУКАШЕРЕМЕТЬЕВЕ.

Где дуб зеленый.

— «чужой среди СВО — БОДАлся теленок
с дубом»

— «я на правую руку НАДЕ — ЖДАнов играл
Шуберта —

— булгаковский аналог? А НАЛОГ? —
поправил инспектор —

— «в судьбе, а не среди буМАГ — НИТку он
заглатывает вместе с грузилом и висит на ней,
как золотая рыб —

— какая там рыбка! По утрам он вместо икры
сжирает три килограмма охотничьей дробь,
мне сантехник рассказывал. Засорилось. А в
потолке, значит, магниты...

**— ОН СТЕЛЕТ НАД ПОТОЛКОМ ШИФЕР.
ЕГО И ПРИТЯГИВАЕТ.**

— Странно. Когда, вытащив затычку,
разрешили нам идеализм,
стали все материалистичны.
Окромя отдельных дьяволиц.

— Впрочем, он никогда и не улетал.
Летело время, летели люди.

А он оставался на на месте,
перебирая руками в стиле брасс. Летела метель.
Зелень летела. Это давало иллюзию полета.

А он просто лежал на воздухе. Каждый может так.
Полет на месте. Жизнь — это полет на месте.
У каждого на своем месте. Это только
лягушек притягивает небо.
А магниты и хирургические тросы — это от
нашей дикости...

— ОН ЛЕТАЮЩИЙ ЛИТАГЕНТ ДИККЕНСА!

К сюртуку мистера ДИ КЕНЗО предлагает
узорчатые тайтсы.
«Д. Копперфилд» всенародно читается.

демон унес мишу лермонтова

шулер

IV

Меня сдуло с приставного стула.
Какая тяга литературы!

Своровало души небо Тушино.
Неземная воля нас вела —
Провиденье и Литературщина.
Игра!
«Кем ты хочешь быть?» — анкета пущена.
«Шулером», — сказала детвора.

И кружил над мальчиком читален,
и сквозь гроб благословенье шурил
Гавриил Романович Державин —
профессиональный шулер!

Что в итоге? Обмишурили?!
Но тоска такая в этом шулере!
Ложный жулик с подлинной тревогой.
Пляшет жмурик сломанной треногой.
Дальше стали мы иль ближе к Богу?
На 2 часа ближе. Если строго.

V

Мы летим на пятой точке к лузам,
белые джинсы зазеленишь...

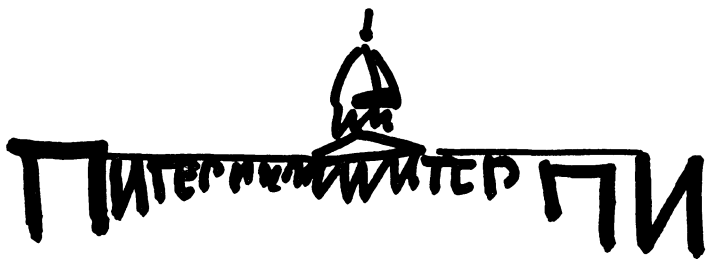
**В жизни, не имеющей иллюзий,
измени нас, иллюзионист!**

Дай иллюзию, что люди живы,
джинами и ангелами в смоге
(и чтоб каждый, словно Илюмжинов,
не скрывал налоги!)

Плачут и ликуют россияне.
Англия. Девятый день Дианы.

АНГЕЛ: «Помолитесь на дорогу».

ДЬЯВОЛ:
«Я вас соблазнял идеей Бога».

АРХИВ

АРХИ-ВЕК покидает нас. Архичудовищный, архимучительный. Archi — это означает «высший» по-гречески — то есть высший из всех веков: архи-волк, архи-вера, архи-варварство — высшего ужаса и прозрения век.

Его художественный архив восхищает нас в Музее изящных искусств.

Когда-то я наивно и лихо подписывал свои первые сборники: «А В — XX в.» Столетие казалось бесконечным. И вот век кончился.

Каждый факт отныне становится исторической драгоценностью. Осторожно, двери закрываются!

Александр III и Иван Владимирович Цветаев останутся в истории: первый как патрон, второй как основатель Музея искусств, пережившего обе Империи.

Святая очередь на Волхонке к столетнему музею не иссякает. Юные умы пытливо оценивают классику современным взором.

*Микеланджело ошибся?
Почему на нас глядит
среди мрамора и гипса
необрезанный Давид?*

Тяга к музеям отражает мировой процесс.

Помню, как трудно шло создание Музея Пастернака. Долгие годы интеллигенция боролась за него. Темные силы стояли насмерть. Пришлось, отступив от моих правил, писать письмо на Высочайшее имя — только тогда пробилось создание музея и существование в Большом театре столетия гения, который при жизни отказывался от всяческих юбилеев и наград. Кстати, тогда мне так и не удалось пробить

выступление на сцене Большого В. Васильева и Е. Максимовой, которые создали этюд для «Доктора Живаго». Тогда же впервые в Большом театре был применен киноэкран со слайдами. Пожарные пришли в ужас, когда я впервые на академической сцене зажег живую пастернаковскую свечу...

Ныне переделкинский музей стал местом паломничества тысяч. Я вижу через штaketник забора, как тянутся люди от своих невзгод и официальных торжеств в этот интимный храм. Стараниями Н. А. Пастернак сохранена атмосфера великой дачи.

Век подбивает итоги. Следом создаются музеи К. И. Чуковского, В. Высоцкого, А. Тарковского, В. Сидура, Б. Окуджавы. Мы — свидетели их жизни, ныне ставшей историей.

Живым музеем стал залитый ливнем стадион Лужников, собравший со всей России поклонников Мика Джаггера — сухопарой реликвии рок-религии. Кельи школьников, оклеенные иконостасами рок-звезд и афишами, становятся крошечными музеями личных коллекций.

*Не надо заводить архивов,
Над рукописями трястись,—*

этот хрестоматийный завет Пастернак адресовал художнику. Но мы, свидетели его жития, должны заводить его архивы и трястись над его рукописями. Часто не замечают в следующих строчках лукавой оговорки поэта:

*Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.*

Но если ты значишь кое-что, то и известность тебе не помеха.

Аллен Гинсберг, сегодняшний Уолт Уитмен, показывал мне железные ящики, заказанные для его архивов, которые он впоследствии продал за 1 млн. долларов в Стэнфордский университет. Заболоцкий при жизни составил посмертное собрание сочинений. Каждый из людей должен посадить не только одно дерево — он должен спасти и выходить хотя бы одно древо памяти. Не всем дано, как Эрнсту Неизвестному, создать великое «Древо жизни». Но прутик может посадить каждый.

Сам я все не соберусь завести архив. Мучаю сотрудниц Литмузея, которые все пытаются заставить меня хранить рукописи. Впрочем, эта книга, наверное, есть Архив.

Поэмы, входящие в нее, печатались главным образом в газете «Московский комсомолец», самой тиражной из наших газет. Поэзия понятна народу.

Думается, что моя жизнь была не напрасна, хотя бы потому, что мне удалось спасти от уничтожения кусок деревянной решетки — той, на которую глядели перед смертью убиенные Романовы в ипатьевском подвале. Именно она отразилась в их глазах. Это единственная достоверная реликвия, оставшаяся от той страшной ночи.

*Боже, храни народ бывшей России!
Решетка впечаталась в серых зрачках
мальчика с вещей гемофилией.
Не остановишь кровь сейчас.*

Восемь лет все кому не лень глазели на их запыленные, измученные кости по телевизору — это была постыднейшая экспозиция Музея нашего столетия. Одну половинку решетки я на всякий случай отдал хранить в Миланский музей Фельтринелли, другая принадлежит сейчас Историческому музею — там, где происходила презентация серии издательства «Вагриус» «Мой XX век».

В последние минуты века особенно звучат прощальные ноты Йозефа Гайдна: «Последние семь слов Христа». Миша Рахлевский, дирижер русско-американского оркестра «Kremlin», попросил меня написать новый текст к этому произведению. В предыдущую Пасху семь проповедей проносили семь иерархов всех ветвей Христианской церкви — православный, католик, лютеранин... Условием было оставить часть евангелиевского текста.

Когда я начал писать, невольно звучала музыка стихов из «Доктора Живаго» о Христе. Это было современное прочтение Евангелия, то есть вечное, на которое оно и рассчитано.

Символично, что Европа называет этот год годом Гайдна.

Мы зовем этот год годом Пушкина.

Не дай Бог, если живого Пушкина — озорника, повесу — заакадемичат сегодня.

Многие мои стихи вышли из-под Ижор Пушкина: «подижаяподижоры — подижоры-подижоры». Харизматический хорей гипнотизирует.

Гадание по абрису, разгадывание букв и чисел было духовным обиходом в пушкинскую пору. Достаточно вспомнить «Тройка, семерка, туз» — роковое предчувствие поэта. В этих цифрах предсказан год его гибели — 37-й. А туз говорит о дырке, пробитой пулей. Туз часто подкидывали, стреляя на пари. И гибельный возраст Пушкина предсказан: $37 + 1 = 38$ лет.

Строение романа «Онегин» зеркально. События и психология героев симметричны, как палиндромы. Роман начинается объяснением героини и ответом героя, кончается объяснением героя и ответом героини.

А что написала Татьяна в начале романа на «затуманенном стекле» своим пальчиком? Правильно.

«Заветный вензель *О* да *Е*»...

Это она писала, находясь внутри дома. Но взгляните снаружи, и вы прочтаете сквозь стекло число «30».

Надышав на стекло, я сотворил оконную инсталляцию, которую выставил в Пушкинском музее. Администрация опасалась, что стекло обязательно разобьется, не позволяла ставить. Но под мою ответственность все-таки разрешила. Ничего, не разбилось. Дыхание Татьяны вечно.

30 лет было Онегину в момент его рокового объяснения с Татьяной. Именно 30 лет было в 1829 году автору, когда он написал на экземпляре «Невского альманаха», где печатался роман, по свидетельству Пушина — прямо на виньетке:

*Вот перешед чрез мост Кокушкин,
Опершись <...> о гранит,
Сам Александр Сергееч Пушкин
С мосье Онегиным стоит.*

Пусть читателя не смущают цензурные точки в скобках — в те времена ненормативная лексика была невозможна ни в газете, ни в книге, ни даже, прости Господи, на телевидении. Пушкин советовал императору Александру напечатать Баркова, как первый шаг к демократизации и просвещению общества. Увы, лишь сейчас сбылась мечта поэта.

«Веселое имя Пушкин», — сказал Блок.

Эхо гениального размера «Черной шали», введенного Пушкиным в русскую поэзию, эхом отозвалось в потомках — в «Сероглазом короле» Ахматовой и «Контрабандистах» Багрицкого.

*Гляжу, как безумный, на черную шаль
И хладную душу терзает печаль.*

*Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил.*

*В покой отдаленный вхожу я один.—
Неверную деву лобзал армянин.*

*И звезды обрызгали груди наживы —
коньяк, чулки и презервативы.*

*Так бейся по жилам, кидайся в края,
бездомная молодость, ярость моя!*

*Трубку свою на камине нашел
И на ночную работу ушел.*

*Судьба, как ракета, летит по параболе —
обычно во мраке, и реже — по радуге.*

Пожалуй, самым «пушкинским» моим творением получилось «Гадание по книге» — в обложке цвета «Зеленой лампы». Пушкин ведь сам обожал гадания, был суеверен, складывал кукиш в кармане, когда видел людей в рясе.

Задумывалась книга как легкая, шутейная, но обернулось по-иному.

Книга показывала характер, не случайно меня предупреджали отказаться от такого греховного замысла. Печаталась она в Финляндии. На выезде из Хельсинки был гололед, трейлер со всем тиражом разбился, два сопровождающих погибли. Об этом мне не сказали. Но этим объясняется, что на презентации в ресторане «Золотой Остап» присутствовал всего лишь единственный экземпляр. Публика, как и я, не понимала ужаса произошедшего, веселилась. Первой гадала Пугачева. Ей, молодоженке тогда, выпали строчки:

*Я и мужа нашла на галерке,
В эротическом сиром галопе.*

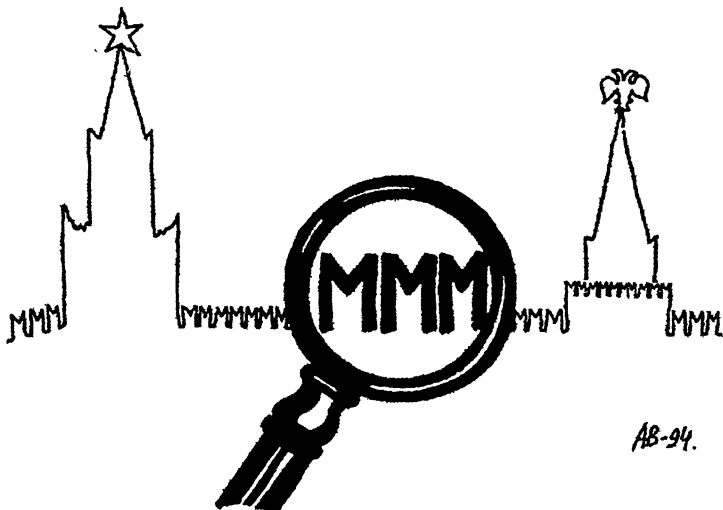
На следующее утро я поехал из Переделкино на обед к Владиславу Старкову, главе издательского дома «Аргументы и факты», который издавал книгу. На выезде мы врезались в летящий наперерез МАЗ, я получил очередное сотрясение мозга. Как потом я понял, все это тоже было загадано в книге. Наверное, это понял и Борис Гребенщиков, который, узнав о том, что со мной приключилось, поставил свечку в храме Преображения.

Недавно, в ночь перед семисотым спектаклем «Юнона и Авось» мне позвонил Марк Захаров. Оказалось, он попал в автокатастрофу. Находился в корсете. И звонил перед вылетом в Германию, где должны были его поправить.

Как повторяется история!..

Гадание по книге — русская традиция. Достоевский возил с собой Евангелие, которое ему подарили жены декабристов, и обыкновенно гадал на нем. Перед смертью он попросил открыть страницу, назвал строку. Ему выпало: «Отпусти...»

Предсказания книги сбывались. Я, шутя, нарисовал видеому: зубцы кремлевской стены складывались в буквы МММ, напоминая о тогдашней «пирамиде» Мавроди. Только сейчас стал ясен смысл

рисунка. Именно Кремль создал «пирамиду» ГКО — аферу государственного масштаба.

Когда-то я написал:

Умеют хором журавли.

Но лебедь не умеет хором.

Откуда мне было знать, что через двадцать лет появится в России генерал, который «хором» уж точно не умеет.

Хулиганства моей книги делали мою жизнь невозможной. Например, приезжаю я с ней в Алма-Ату, перед выступлением пресс-конференция. Среди журналистов очаровательная женщина, представляющая «Караван», местный эротический журнал. Подходит она ко мне: «Можно, я погадаю на книге?» Я говорю: «Если не боитесь, пожалуйста!» Она бросает фишку перед всеми телезрителями Алма-Аты. Ей выпадает: «Все меня затрахали...» Она, смутившись, парирует: «Ну, это в переносном смысле, конечно...» С ужасом читает дальше: «Я... банк спермы...» К счастью, женщина оказалась человеком смелым, с чувством юмора. Она сама, первая описала этот случай.

Некоторое время я не решался гадать по книге. Теперь, когда весь тираж разошелся, можно рассказать все об этом полиграфическом чудовище.

Впрочем, я и сам не знаю, что здесь игра, а что всерьез. Почему на видеоме о Сергее Есенине написано: «Есенин — весенний — вешен — повешен». Именно не «повесился», а «повешен» — существует и такая версия.

Гумилев предвидел, что умрет от руки рабочего,

отливающего пули, о чем и написал стихотворение. Но всмотритесь в его имя — Гумилёв. Две точки над «ё» — не что иное, как две дырки от пули, пронзившие поэта.

В именах раскрывается самое глубинное свойство языковой материи. Об этом знали древние китайцы, египтяне и наш Флоренский. Именно в этом таится суть, назначение судьбы, а не во внешних прибабасах — званиях, наградах. Поэт относится к этому с юмором. Ахматова писала, что поэта нельзя ни наградить, ни наказать. Это прерогатива Бога.

Когда Анна Андреевна получала в Оксфорде свою мантию, к сожалению, у меня было в тот день выступление в Манчестере. Я только послал Анне Андреевне темно-красную розу. Потом я прочитал, что она жаловалась, кажется, Глебу Струве, что, мол, Вознесенский был в это время в Англии и не пришел на церемонию вручения мантии.

В темные времена, когда любое признание на Западе было опасным, меня впервые выбрали в Нью-Йоркскую Академию. Я написал:

*Я в Академию есмь избран.
Год дэм! Скажу я. Боже мой!
Всю жизнь борюсь с академизмом,
теперь борюсь с самим собой.*

В этом январе моя книга попала в «шорт-лист» Антибукеровской премии. Я отказался в пользу Эммы Герштейн, любимой мною Прекрасной дамы отечественного литературоведения. Слава Богу, что премия ей была присуждена.

Как-то вез меня на выступление в Симферопольский Дом офицеров бойкий подполковник. «Вы знаете, в нашем здании выступал Маяковский. Теперь там мемориальная доска. Надеюсь, теперь будет и ваша доска», — порадовал он меня.

Этот случай вспомнил я на открытии доски ЛГПУ, где мое скромное имя красовалось после славных имен Лихачева, Ростроповича, Петрова и других почетных докторов. Я оказался единственным москвичом среди них. Когда ректор ЛГПУ А. С. Запесоцкий нахлобучил на меня черный квадрат и черную мантию, увы, цвет оказался символическим. В душе был траур по Старовойтовой. Только день назад мы виделись и беседовали с ней.

Узнал я о гибели Галины Васильевны на московском аэродроме. У меня должен был состояться вечер в Петербурге, в зале «Октябрьский». Я подумал, что его, наверно, отменят... Оказалось, что зал набит битком, причем большая часть — это были студенты и тинейджеры. Я поднял зал на минуту молчания... Потом, в Москве на митинге памяти Галины Старовойтовой, политики жаловались, что к ним пришло мало молодых, что тем 'будто бы все до лампочки. Но я видел ту молодежь в Питере: практически XXI век стоял и хранил минуту молчания. Действительно, молодые чураются политики, да и правы они, конечно, но здесь убили женщину.

На прощании с Галиной гроб был поставлен выше уровня глаз — чтобы не было видно лица, разбитого автоматными пулями, загримированного тупейными художниками. Когда я взглянул на ее

профиль, я понял, что он античный, греческий, с гипсовым отливом. Это было не только внешнее. Ведь она читала на память Овидия по-латыни. Истинный питерский интеллигент, она очень любила поэзию... Питер вообще пронизан античностью... Я читал, будто бы Галина Васильевна была в зале.

Банально утверждение, что новое поколение не колышет поэзия. На вечере в четырехтысячном «Октябрьском» их было процентов девяносто, они присылали мне записки, была и такая: «Я раньше не читал стихов. Пришел на имя, но теперь...» — дальше там были комплименты, повторять неловко, но человек как бы проснулся...

У зала «Октябрьский» тревожная аура. Позднее протоиерей Богдан поведал мне страшную историю этого излучения: под фундаментом находятся священные мощи, оставшиеся после разрушенного в 60-е годы храма...

Все цветы с вечера я отнес к подъезду Галины Старовойтовой. А на фасаде дома, совсем рядом с ее подъездом, прямо бросаясь в глаза, — вывеска: «Игровые автоматы»...

Все это тоже архив века.

ГУРУ УРАГАНА

угар на Багамаы мураган
Господь помилуй урагангел гость из Уганды Гумберт
по стакану под огурчик под Аугустин под Аугустином
Угон Гувд
Угун оманг
опразм
урагангел
чурбан
афган
платан
карган
коруган
игүмен
черектокомонг
гүнны

ГУРУ УРАГАНА

ПРОЛОГ

Господи, помилуй наши суррогаты!
С белого собора сорвали крест.
Гуру урагана, гуру урагана
восемь тыщ деревьев унес окрест.

Огорчен игумен эксгумацией Романовых.
Восьмь лет прождали последнюю постель.
Гурии соблазна. Гунны балагана.
Инаугурация измученных костей.

Женщину за лошадью тащат на аркане.
Ты, Москва, заложница за чей-то грех!
Что нам ураганы? — Сами уркаганы.
Господи, помилуй невинных всех!

Душу потеряешь, спасая шкуру.
Не учи смятенью, антагонист!
Ангел заблудившийся, ослепший гуру,
черный урагангел, утомонись!

На душе погано. Дьяволы поддатые
Кремлю зубы выбили вокруг кургана.

Где ж ты, белоснежный гуру благодати?
Что ж не опровергнешь гуру урагана?

Милиционеры — антихулиганы.
Но нас всех измучила та же мысль:
только б не вернулся гуру урагана!
Черный урагангел, не возвратись!

I

Новорусское Новодевичье.
Гробы встают стоймя.
Несется скелет Царевича.
Господь, помилуй меня!

Бегу забастовкой кладбища.
Могилы свои зову.
Проваливаюсь, как в клавиши.
Отец, помилуй Москву!

Подземные наши предки
бастующею толпой
могилы, как вагонетки,
толкают перед собой.

Неправедны наши «прайвит»,
неправедно я живу,
неправедно нами правят.
Максуд, помилуй Москву!

Прости, забытая мать!
Отей, помилуй меня!

Но праведно ли ломать
в отместку зубцы Кремля?

Ну, ладно б громить сановников...
За что же Никулина?!
Никулин пошел «на новенького».
В могиле накурено.

Ангелы аварийные.
Срывают с церквей кресты.
Ваганьковские авиалинии
бастуют.
Небеса пусты.

Флоренский, игумен стачки,
как тачку, могилу вез,
согбен, как медведь из спячки,
крестил разоренных ос.

Идея над Новодевичьим
вопит, что в нас умерла.
Деревья кричат в разделочной.
Вандея, помилуй меня!

Все телеантенны в целости,
поломаны лишь кресты.
И свежестью сводит челюсти
от рухнувшей красоты.

Лежат древесные люди,
сплетя волоса, висят.
Дрожат, как разбитые лютни,
взметенные прутья оград.

- Дуб Емельян Тимофеевич**
(1783 — †1998)
- Плющ Александр Сергеевич**
(1837 — †1998)
- Тополь Виктор Платанович**
(1978 — †1998)
- Ель Елена Владленовна**
(1978 — †1998)
- Троицкая Береза Есенъевна**
(1963 — †1998)
- Красная Калина Васильевна**
(1974 — †1998)
- Чехова Ольга Штирлицевна**
(1945 — †1998)
- Корень Лифарь Нуриевич**
(1968 — †1998)
- Сяница Бузина Зиновьевна**
(1981 — †1998)
- Мария Липа** (девичья фамилия
— год рожд. 1972)
- Мэри Липтон** (новодевичья фамилия —
год рожд. 1979)
- Щелкина-Купер Верба Инберовна**
(1814 — †1998)
- Соловей Зорий Тихонович**
(1942 — †1998)
- Черемуха Алла Борисовна**
(1982 -)
- Симонов Монастырь Рубенович**
(1765 — †1998)

И тысячи без фамилий...
Господь, прости и помилуй!

О СПИДе не знали там,
в наивные времена.
Господь, помилуй платан!
Платан, помилуй меня!

Дерево родословное
легло поперек пути.
Листы его, очи словно,
кричали мне: «Пощади!»

За ним сплелись Лаакооны
и группировки в розыске.
Поэзия из флаконов
разбитых разлита в воздухе.

Чей белый парик с косицей,
как вырванный зуб коренной?
Сказал: «Просрали Россию»,
он, ставший ее землей.

Новорусское Новодевичье

II

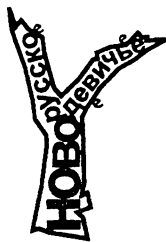
Новорусское Новодевичье.
Оса хаоса, взяв захват,
закружила спиралью девочку
и ударила об асфальт!
Что делается?! Боже свят!

Две спирали жужжат — смыкаются.
Удаляется в небеса
оса хаоса, оса хаоса,
обезумевшая оса!

Астраханской холеры казусы.
И укусы внутри пошли.
Залетевшая оса хаоса
все не вылетит из души.

Кружит стружкой стволы и хаусы,
точно чинит карандаши.

Лечит школьницу не Мюнхгаузен.
Чертыхается злая тварь —
оса хаоса, после паузы
возвращающаяся спираль.

III

Новорусское Новодевичье.
Надломленный в небе крестик.
Возмездие без уздечки
летит, как программа «Вести».
Запнулась Арина Шарапова.
Потряс без «фанеры» нас
вернувшийся в нашу шарашку
шляпинский бас!

- Шляпина — в президенты!
- Вербу — на трон!
- Раздета беспрецидентно...
- Веру не тронь!..
- Дуб — претендент конкретный.
- Ольху, его конкурентку, —
в огонь!

Смешна им идея денег.
Идет Вандея бессребреников.
Деревьев грехопаденье
спонсирует Хлебников.

Кто добрый, как крот ослепший,
с одышкой вышел на свет,
вперед пропуская следующего —
самоубийцу двадцати лет?

Помилуйте, Самуил Яковлевич,
и юноша, как вьюнок!..
Меж рухнувших наших ячеств
жестяный мчался веноч.

В бреду лейтенант метался —
на небесах аншлаг! -
пулеметом магометанина
прошит, как будто дуршлак.

Что шепчешь, афганец, с тоски?
Земля от ракиты разрыта.
Убитого звать Тараки —

ТАРАКИТАРАКИТАРАКИТА
ТАРАКИТАРАКИТАРАКИТА

И крестик горизонтальный,
как ключик, в небе торчит.
Печаль его золотая
поломана. Вход закрыт.

У двери души летают.
И в воздухе тополь горчит.

IV

Новорусское Новодевичье.
Куда Рубенсу и Вандейчику!
Ватрушки жрет у ворот
под «Фанту» отечественную
живой и мертвый народ.

Нас внутрь не пускал детина.
Охранник был без лица.
Из пустоты щетина
росла, как из мертвеца.

Загробная жизнь под угрозой.
Воя, как «Цеппелин»,
взбесившиеся березы
летали без сердцевин.

Мы — только капот от «Мерса»
с вынутыми цилиндрами.
Не то, что мы все без сердца,
мы — люди без сердцевины...

И ломаные слова наши —
с вырванными корнями и ветками.
— «Катастрофа!» — кричу я — «Ка...а!»
— «Касторка», — соглашаются соседи.
— «Про кладбищи», — настаиваю я — «Про...и».
— «Прокладки», — догадывается народ.
— «Телесводка», — подтверждаю. — «Те...ка».
— «Телка», — понимают...

Когда я читаю у Гете «Гретхен» —
«гр...н», — «грешен» видится мне.
Она звала Фауста «Генрих» — «Г...х».
Я прочитал «Грех»...

Я понимаю, есть грех
влюбленных наслаждений...
Но в чем грех зеленых насаждений?

v

Новорусское Новодевичье.
У Лужников народ.
Видео не с Фадеечевым —
с эротикой продает.

Любимые литсобратья
мне пальцы совали в раны.
Меня, гуру благодати,
сочтя за гуру урагана.

Гостиница, как магометанка,
зашторена на закате.
А вдруг гуру урагана
и есть гуру благодати?

Все это мне не простится
за то, что, душу губя,
на судную репетицию
я затащил тебя.

Где вместо стволов провалы,
как вверх ногами столы,

разбуженные вставляли
человеческие стволы.

Бастующие рубили
завалы, чинили лес.
А может быть, это были
солдаты из МЧС?

Новорусское Новодевичье

VI

Новорусское Новодевичье.
Купите в предсудный год
всамделишного Судейкина,
не ведая, что нас ждет.
Не все же сбегут в сторонку,
в Ванкувер и Теннесси!
Помилуй, Господь, от Второго
Пришествия, пронеси...

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЭПИЛОГ

Несемся в прошлое со страшной силой,
но мысль единственная в мозгу —
«Господь помилуй, Господь помилуй,
от повторения спаси Москву!»

Кто под землю, но не в могиле,
чья ненакормленная семья —
его помилуй, ее помилуй,
помилуй верившего меня.

Господь, помилуй собор-расстригу,
где допустили сорвать кресты,
русскаяязычную помилуй Ригу,
ей звон малиновый возвести!

О чем все гении и мазилы?
Помимо разницы в них суть одна —
«Господь помилуй, Господь помилуй,
Господь помилуй меня».

И кантемиры, и мы, дебилы,
и мандельштамовская оса:

«Господь помилуй, Господь помилуй,
валаамового осла...»

Овца, клонируй меня,
Герострат, кремируй меня,
госналог, премируй меня,
Господь, помилуй Газпром,
тишина, помилуй меня.
Господь, помилуй меня.

Господь, помилуй земных кумиров,
кто лез без мыла в их маяту,
Господь помилуй, Господь помилуй,
верни их парочкой на мосту.

Шекспира МИДу бы, Талейрана...
Нет мира в Косове. Правам труба...
Секспирамида нетолерантна.
Я, ты, Господь — это амур труа.

Волосяницей душа запутана.
Монаху снится Маша Распутина.
Родные, милые! Я тут живу.
Господь помилуй, Господь помилуй,
Господь помилуй, люблю Москву.

Помилуй Боже быть у кормила
и не оставить страну в живых.
Господь помилуй, Господь помилуй
Тобою созданныхдетей дурных.

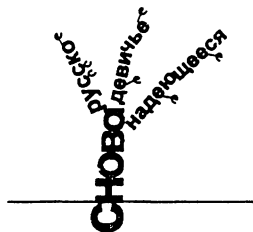
Тусуйте с мымрой — свободой мнимой,
в свободе миной лежит Чечня —

Господь помилуй вину невинных,
помилуй, стало быть, и меня.

Храни поэтов от хмурой зависти,
от нетерпенья быть на плаву.
Помилуй завязи завтрашних зрослей
и клен, оставшийся на Москву.

За то, что знал я Твои затрещины,
умел с улыбкой удар держать,
помилуй, Господи, мою женщину
и в небе бабушку, отца и мать.

Чтоobeliski? Летим как искры
по небу с Божьего помела.
Господь, помилуй потерять близких.
Помилуй их потерять меня.

VII

И только одна могила
пр о с т и л а.
Стихией пощажена.
Цела. И тайной полна.

Так тихо, что не прольется
хаосу вопреки
бутыль «Святого колодца».
В ней розочек лепестки.

Оса к ним ползет без паники.
И вдруг это добрый знак?
Прости, что достойным памятником
не разрожусь никак.

Прости, что бывал урывками.
Чуток еще подожди.
Страдальческую улыбку
почти что смыли дожди.

За веру мою качнувшуюся,
за грехи предсудного дня,
за эти стихи кощунственные
помилуй, мама, меня.

* * *

И крестик над Москвой горизонтальный
от ветра бьется, держится едва,
как на груди невидимой и тайной,
что лежа дышит.

Стало быть, жива.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЗНЕСЕНСКИЙ ПЕРЕУЛОК. <i>Цикл стихов</i>	5
ЖУТКИЙ КРАЙЗИС СУПЕР СТАР. <i>Рок-опера</i>	59
ПОСЛЕДНИЕ СЕМЬ СЛОВ ХРИСТА. <i>Поэма</i>	89
БЕРЕГИТЕ ЗАИК! <i>Поэма</i>	113
ФРЕЗИИ. <i>Цикл стихов</i>	137
ШУЛЕР-КВИНТЕТ. <i>Поэма</i>	175
АРХИВ. <i>Проза</i>	187
ГУРУ УРАГАНА. <i>Поэма</i>	201

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ
ЖУТКИЙ CRISIS СУПЕР СТАР

Редактор *Л. Иванова*
Художественный редактор *Н. Пьяных*
Технический редактор *И. Гаврилина*
Компьютерная верстка *И. Понятых*

ЛР № 071669 от 26.05.98 г.
Подписано в печать 12.03.99 г. Формат 70x108 1/32.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,8. Уч-изд. л. 6,34 Зак. 335

Издательство «ТЕРРА».
113093, Москва, ул. Шипок, 2, а/я 27.
Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ISBN 5-300-02560-7

9 785300 025601

ISBN 5-300-02560-7

9 785300 025601